

ЛИНЕТТ НОНИ

ЛИНЕТТ НОНИ

ПОМНИТЬ. ВЫЖИТЬ. ОТОМСТИТЬ.

Линетт Нони

Шепот

Серия «BestThriller»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39428074
Шепот: роман / Линетт Нони: Росмэн; Москва; 2018
ISBN 978-5-353-09051-9

Аннотация

Джейн Доу верит.

Верит, что она – аномалия, единственная в своем роде.

Это очень дорого ей обошлось: «Ленгард», секретное правительственное учреждение, третий год держит ее взаперти ради своей таинственной программы. Строгий режим, круглосуточное наблюдение, изнурительные тренировки, десятки болезненных экспериментов. И все это время Джейн Доу молчит, боясь выдать свое настоящее имя или проговориться о своей способности.

Но однажды ей открывается вся правда о программе «Ленгарда»: именно аномальность Джейн Доу лежит в основе чудовищного заговора. И одно ее неверное слово, даже сказанное шепотом, может привести к катастрофе.

Джейн Доу придется выбрать, кому доверять, и отчаянно надеяться, что этот выбор не станет последним в ее жизни.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	24
Глава 3	34
Глава 4	40
Глава 5	55
Глава 6	68
Глава 7	79
Глава 8	95
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Линетт Нони

Шепот

Роман

Lynette Noni

Whisper

Copyright © 2018 by Lynette Noni.

© Макет, оформление, перевод. ООО «РОСМЭН»,
2018

Посвящается Виктории. Песок не солгал.

Пролог

Они зовут меня Джейн Доу¹.

Из-за того что я не захотела называть свое настоящее имя, им пришлось присвоить мне стандартное кодовое. В этом есть некоторая ирония, ведь «стандартной» меня точно не назовешь.

Но они об этом не знают.

Они могли бы дать мне любое имя, но не случайно выбрали именно «Джейн Доу». Я слышу, о чем они шепчутся. И знаю, что для них я не более чем неопознанный ходячий труп. Именно так со мной и обращаются. В меня тычут иглами и пальцами, меня трогают, меня щиплют. Пытаются добиться от меня хоть какой-то реакции. Но все их попытки бесполезны.

Два года, шесть месяцев, четырнадцать дней, одиннадцать часов и шестнадцать минут. Все это время я отрезана от внешнего мира. Все это время обо мне собирают информацию. Все это время надо мной ставят опыты – час за часом, день за днем, неделя за неделей.

Мне почти ничего не рассказывают. Все строго конфиденциально и засекречено. Они провели для меня разве что краткий инструктаж, как только я оказалась здесь. Они здо-

¹ Джейн Доу – псевдоним, которым в США обозначают неопознанное женское тело.

рово приукрасили информацию, потому что описывали дивную фантазию, а вовсе не тот кошмар, в котором я в итоге очутилась. Их слова звучали весьма убедительно, и они внушили мне мнимое чувство безопасности. Но все это оказалось ложью.

– «Ленгард» – секретный правительственный объект для необычных людей, – говорили они. – Для таких, как ты.

И я поверила им. В этом была моя ошибка.

Я была глупой.

Доверчивой.

Я на что-то *надеялась*.

Теперь я знаю, что в целом мире нет никого похожего на меня.

Я – другая.

Я – аномалия.

Я – *чудовище*.

Мое имя вовсе не Джейн Доу. Но именно ею я стала. И я останусь ею. Потому что так будет безопаснее.

Для всех.

Глава 1

«Объект Шесть-Восемь-Четыре, поднимите руки и повернитесь лицом к стене».

Этот потрескивающий голос вырывается из интеркома рядом с дверью в моей камере. Я знаю, что у меня есть всего десять секунд, чтобы сделать, как он велит, прежде чем в камеру ворвутся охранники и силой заставят меня подчиниться. После сегодняшнего сеанса с Ваником мое тело уже не выдержит боли, так что я быстро поднимаюсь и выполняю приказ.

«Мы заходим. Любое резкое движение с вашей стороны будет немедленно пресечено».

Я не обращаю внимания на эти слова. В предостережении нет никакой нужды: я запомнила, какие тут порядки. Меня могут ударить электрошокером даже за слишком громкое дыхание – такое уже бывало.

Охранники в «Ленгарде», тайном правительственном объекте, ныне моем доме, спрятанном глубоко под землей, серьезно относятся к своей работе. Меня классифицировали как угрозу Пятого Уровня. Они понятия не имеют, что это значит, и поэтому боятся меня. Они лишь знают, что я опасна. Но это ложь.

И в то же время – чистая правда.

Дверь отъезжает в сторону, и порыв холодного воздуха

хлещет меня по голым икрам. Форменная одежда здесь – что-то вроде наволочки ниже колен с прорезями для головы и рук. В ней не очень удобно, она не может защитить и ни капельки не согревает. Но она прочная и универсальная. Вечное напоминание о том, что роскоши больше нет места в моей жизни. Что удобства не для таких, как я.

– Объект Шесть-Восемь-Четыре, вы идете с нами. Оставайтесь на месте, пока на вас не наденут наручники.

Я все еще стою лицом к стене, поэтому они не видят, как я озадаченно сдвигаю брови.

Жизнь в «Ленгарде» подчинена строгому, неизменному распорядку. Каждый новый день – точная копия предыдущего. По утрам меня будят плоской безвкусной, насыщенной клетчаткой и белком каши. Ее просовывают в окошко в двери. У меня есть десять минут, чтобы съесть кашу, прежде чем меня отконвоируют в ванную комнату – всего на пять минут. Оттуда меня ведут напрямик к доктору Мэннингу для ежедневной оценки психологического состояния. Она длится два часа, после чего меня доставляют к Энцо. Он тестирует мои физические способности – эта тренировка длится еще три часа. После меня на пятнадцать минут отправляют в душ и разрешают сменить сорочку, а потом снова отправляют в камеру на целый час, в течение которого я получаю еще одну миску протеиновой каши. После обеда меня ждут два часа ада, который официально называется «экспериментальной терапией», – ею занимается Ваник. Если я

покидаю его лабораторию в сознании, меня будут еще долго таскать с теста на тест, пока не решат, что на сегодня хватит. Это может длиться от двух до шести часов. После мне дают специальный коктейль из витаминов и питательных веществ, который поддерживает мое состояние на оптимальном уровне. Пять минут в ванной, и меня снова заталкивают в камеру – спать.

Этот распорядок никогда не менялся. Ни разу.

До этого момента.

Мой день уже подошел к концу. Наступила ночь. Я проглотила коктейль и в последний раз за сегодня побывала в уборной. Меня должны запереть до утра, пока все не начнется сначала. Понятия не имею, почему они нарушают режим, но все же стою и не двигаюсь. Охранник подходит ко мне со спины, хватает за руки, рывком опускает их вниз и сковывает наручниками.

Меня разворачивают, и я сталкиваюсь с двумя амбалами – каждый вдвое больше меня. В наручниках нет никакого смысла. Я не представляю для них угрозы, во всяком случае физической. А от той, другой, их и наручники не спасут. Ничто не спасет.

– Следуйте за нами и храните молчание, – говорит тот, что стоит слева. Охранники постоянно повторяют эти слова, когда выводят меня из камеры.

Он хватается меня за плечо, и я едва заметно вздрагиваю – такая крепкая у него хватка, – но мое лицо остается совер-

шенно неподвижным. Я не киваю, даже не моргаю. Молча смотрю перед собой и послушно переставляю ноги, позволяя им вывести меня из камеры.

В коридоре горит яркий свет. Он обжигает мне сетчатку – стараюсь не дергаться. Опускаю голову и закрываюсь от этого света волосами. Пытаюсь сфокусировать все внимание на черно-белой плитке, по которой мы идем. Я не осмеливаюсь спросить куда. Я ведь слышала приказ – нужно хранить молчание. Правда, даже если бы я его проигнорировала, то все равно не стала бы задавать вопросы. Но об этом они не знают. И я им ничего не скажу.

Охранники ведут меня по коридорам, заводят в какие-то двери. Некоторые из этих маршрутов я уже знаю, некоторые мне не знакомы. «Ленгард» похож на большой подземный лабиринт. Стерильный, ультрасовременный лабиринт в стиле хай-тек. Только сотрудники с высшим уровнем допуска знают, где что находится и как туда попасть. Я же двигаюсь по этим коридорам, как слепая, целиком полагаясь на тех, кто меня по ним водит.

В этот раз мы заходим намного дальше обычного. Плитка здесь все такая же черно-белая, а свет по-прежнему ослепляет, но воздух намного теплее. А еще... Это очень сложно объяснить, ведь это скорее ощущение, а не нечто конкретное, но здесь все не кажется таким стерильным и строгим.

Мы проходим мимо десятков дверей. На некоторых есть таблички, но я не читаю, что там написано. Опустив голо-

ву, неподвижно смотрю на свои голые ступни. Поднимаю взгляд, только когда мы достигаем конца коридора и оста- навливаемся перед очередной дверью. Она ничем не отлича- ется от остальных – простая белая дверь. Таблички на ней никакой нет. И я понятия не имею, куда она ведет и что за ней находится.

Не выпуская мою руку, которая уже онемела от его хват- ки, охранник подступает к панели у входа и подносит к сен- сорному экрану свой пропуск. Потом он наклоняется, чтобы просканировать сетчатку глаза, а затем прижимает к экрану палец – для укола на образец крови. Я настораживаюсь еще сильнее. За все время, которое я провела в «Ленгарде», ме- ня ни разу не приводили в место с такими строгими мерами безопасности.

Раздается короткое *бип*, и дверь бесшумно отъезжает в сторону. Я уже и не думаю опускать голову, потому что во мне проснулось любопытство. Но в итоге мы просто выхо- дим в точно такой же коридор – с черно-белой плиткой и неприметными дверями. Мне хочется спросить, где мы нахо- димся, к чему такая секретность и что вообще такого особен- ного в этом коридоре. Он выглядит так же, как и все осталь- ные, но должна же быть причина, по которой на входе в него установили такой уровень охраны. В «Ленгарде» хранится немало секретов – об этом я уже знаю.

Я никогда не видела, чтобы по коридорам ходили люди, не считая охраны. Все остальные, если они вообще есть, сидят

под замком. Как и я.

– Шагай.

Охранник, который держит мою руку, толкает меня вперед. Похоже, я все это время стояла как вкопанная. Он толкает меня слишком грубо, и я спотыкаюсь от неожиданности, но быстро восстанавливаю шаг и послушно иду вперед.

Мы проходим примерно половину коридора, и вдруг происходит нечто неожиданное. Дверь в нескольких футах от нас распахивается, и наружу вырывается звук, который я не слышала два с половиной года.

Смех.

Охранник рывком заставляет меня остановиться, потому что в коридор внезапно выбегают дети – двое хохочущих златовласых мальчишек. Один сжимает в руках тряпичную куклу и машет ею над головой. За ними стрелой вылетает маленькая девочка с мелкими темными кудряшками. Она кричит со слезами в голосе:

– Отдай, Итан! Айзек, скажи, чтоб отдал! *Это мое!*

– А ты отбери, Эбби! – дразнит мальчишка и специально поднимает куклу повыше, когда девочка подпрыгивает.

– Ей же больно! – кричит Эбби и прыгает на мальчишку, пытаясь дотянуться до куклы. Когда другой мальчик отгаликивает ее, она издает пронзительный вопль:

– МАМА!

Я стою на месте и не могу оторвать от них взгляда. Они так малы. Так беззаботны. Я очень давно не видела, чтобы

люди общались так... естественно.

– Эбби, господи, что случилось?

Из этой же двери спешно выходит женщина, на ходу вытирая руки кухонным полотенцем. Она обводит взглядом сцену и упирает руки в бока.

– Итан, Айзек, вам что, нечем заняться? Обязательно воровать у сестры игрушки? Быстро отдайте куклу и извинитесь.

Мальчики не торопятся слушаться. Женщина подступает ближе и повторяет, но уже тише:

– Отдайте. *Живо*.

Айзек тут же извиняется, Итан тоже бормочет что-то и возвращает куклу. Малышка Эбби обхватывает куклу ручонками, подбегает к матери и прячется за ее ногами.

– Дети, быстро в дом! – командует женщина. – Вы же знаете, что в коридорах играть нельзя. О чем вы вообще думали?

Она отворачивается, чтобы загнать ребятишек обратно в комнату, и тут они наконец замечают меня. Детям просто интересно, кто я такая, но реакция их матери намного серьезнее. Мне знакомо это выражение. Чистый, неподдельный страх.

Она буквально заталкивает детей внутрь и захлопывает за собой дверь. У меня же такое чувство, будто мой бесцветный, мрачный мир на секунду озарила радуга. Когда я увидела людей – обычных, нормальных людей, – во мне что-то вспыхнуло, какая-то искра. Воспоминания. Чувства. Отзвук

давным-давно позабытой жизни. И вот она снова ускользнула от меня, скрылась за очередной дверью.

– Пошли, – ворчит охранник, сжимающий мою руку.

И все, как будто и не было всей этой красоты.

Мы идем еще несколько минут, пока не упираемся в очередную конец коридора, но на этот раз видим открытую дверь. Второй охранник стучится, затем командует: «Заходим!» – и манит нас за собой.

Мы заходим в какой-то кабинет. Никаких украшений на стенах, никаких дипломов в рамках или фотографий. Даже книжного шкафа нет. Комната очень функциональная, но совершенно безликая. В центре на самом видном месте стоит гигантский стол из красного дерева, но даже на нем не хватает привычного для таких столов беспорядка. Никаких раскиданных бумаг, раскатившихся во все стороны ручек, даже кофейной кружки нет. Единственное, что нарушает безмятежную древесную гладь, – это сенсорный планшет, источающий мягкий свет.

Меня охватывают мрачные предчувствия. Я отворачиваюсь от планшета и тут же встречаюсь взглядом с человеком, который сидит за столом.

– Джейн Доу.

Голос у него такой же холодный, как и волосы, слегка тронутые сединой. Оценивающий взгляд скользит по моей растрепанной прическе и голым ногам. Он слегка наклоняет голову, и у него на скулах вздуваются желваки. Он ждет от ме-

ня ответной реакции. Но я не знаю, был ли это вопрос или утверждение. Так или иначе, я не вижу смысла отвечать ему. Он ведь ошибается. И в то же время нет.

Он смотрит на меня в пульсирующей тишине. Я не отвожу взгляда, хотя и хочется. Что-то подсказывает мне: это очень важно – выдержать его взгляд.

В конце концов он кивает и поворачивается к моим охранникам:

– Отпустите ее. И оставьте нас.

Охранник, который держит меня за руку, ужасно удивлен. Он сомневается.

– Но, сэр...

– Это приказ.

Хватка тут же ослабевает. Второй охранник снимает с меня наручники.

Я прижимаю руки к груди и потираю запястья. Охранники отступают назад и закрывают за собой дверь. Только после этого пепельный человек поднимается и медленно подходит ко мне.

Он выше, чем я думала, и, несмотря на цвет волос, морщинок на его лице почти нет, а значит, он намного моложе, чем мне показалось вначале. На нем безупречный деловой костюм, под пиджаком виднеется сапфирового цвета рубашка, застегнутая под самый подбородок. Галстука на нем нет, но все равно странно, что он не носит стандартную униформу «Ленгарда». Я не единственный человек здесь, который

обязан соблюдать строгий дресскод. Одежда у тех сотрудников, с которыми я обычно пересекаюсь, четко разграничена по цвету в соответствии с их должностями. Охранники носят серое. Врачи, ученые и прочие специалисты носят девственно-белое. Тренеры по физической подготовке – коричнево-бежевое. В этих стенах не живут яркие краски и приятные оттенки. Но эта сапфировая рубашка... она просто завораживает меня.

Хотя лучше бы я смотрела не на его одежду, а на него самого. Не успеваю я и глазом моргнуть, как этот человек уже стоит прямо передо мной.

– Джейн Доу, – повторяет он.

Я все так же молчу.

– Я ждал этой встречи.

Очень хочется спросить, почему он ее ждал. Но я продолжаю хранить молчание.

– Я так понимаю, настоящее имя ты мне не скажешь?

Судорожный вздох – мой единственный ответ. Мне так давно не задавали этот вопрос, так давно не пытались узнать, кто же я на самом деле.

– Нет? Так ничего и не скажешь?

Он ждет. Ему не нравится, что я молчу, но единственное, что выдает это недовольство, – легкое напряжение, сковавшее черты его лица.

– Что же, полагаю, в таком случае мне придется называть тебя «Джейн». Пока что. Меня зовут Рик Фэлон.

Он протягивает мне ладонь. Я смотрю на нее с трепетом. Рик Фэлон. Я слышала, как охранники упоминали это имя. Да, я знаю, кто он такой.

Маверик Фэлон.

Директор Фэлон.

Глава «Ленгарда».

– Я понимаю, что ты уже давно здесь, но нормы человеческого общения не сильно изменились за это время, – говорит Фэлон, многозначительно поиграв в воздухе пальцами.

Я совершенно сбита с толку. Медленно протягиваю руку и вкладываю в капкан его ладони для неожиданно крепкого рукопожатия.

– Вот так. Приятно видеть, что ты не забыла о том, как должен вести себя нормальный человек. Судя по отчетам Ванника, это не так, но я знаю, что он любит все драматизировать.

Понятия не имею, что ответить на это.

– Присаживайся, Джейн. – Фэлон жестом указывает мне на одно из кресел, стоящих у стола, и возвращается на свое место. – Нам с тобой нужно многое обсудить.

Не хочу, чтобы он заметил мое замешательство, поэтому быстро подчиняюсь. Кресло сливовое, флисовое, мягкое. Да, я напряжена, но мое тело все равно моментально утопает в нем.

Я поднимаю взгляд и вижу, что Фэлон наблюдает за мной с довольным выражением лица. Как будто чувствует, что это

кресло чудесным образом смягчило мое напряжение.

– Объект Шесть-Восемь-Четыре. – Фэлон приподнимает светящийся планшет. – Кодовое имя: Джейн Доу. Дата рождения: неизвестно. Текущая оценка возраста: восемнадцать. Родители: нет. Прочие отношения: неизвестно. Статус вербовки... – Он поднимает на меня глаза: – Переход.

Фэлон опускает планшет, но не взгляд.

– Я заинтригован, Джейн. Судя по нашим записям, тебя перевели в «Ленгард» после обследования в психиатрической клинике.

Мой желудок делает сальто. Одно слово – и на меня накатывает волна воспоминаний. Я изо всех сил стараюсь не захлебнуться.

– Наши агенты обнаружили тебя там через три недели после начала лечения. Как только они выяснили твой потенциал, сразу же доставили в наше учреждение – место куда более безопасное, чем камера в лечебнице для неуравновешенных молодых людей. Поэтому я и заинтригован, Джейн. Судя по тому, что я прочитал о тебе, с момента твоего прибытия ты демонстрировала удивительную несговорчивость. – Его глаза по-прежнему устремлены прямо на меня. – И мне бы очень хотелось знать – почему?

Я не издаю ни единого звука.

– Предварительное тестирование внушило нам надежду, что ты внесешь особый вклад в нашу программу.

Я мучительно стараюсь сохранять неподвижное выраже-

ние лица, потому что понятия не имею, о каком тестировании и какой программе он говорит.

– Однако с тех пор ты никак не доказала, что имеешь хоть какую-то ценность. – Фэлон наконец опускает взгляд на экран планшета. – Доктор Мэннинг клянется, что проще выдавить воду из камня, чем дать тебе психологическую оценку. О том, к каким выводам пришел доктор Ваник, я уже упоминал, и многие другие испытатели согласны с его мнением. Только лейтенант Энцо смог дать мне более-менее обнадеживающую информацию – он очень доволен твоей физической формой. Его весьма впечатляет то, каких результатов на тренировках ты добилась за время, проведенное в «Ленгарде».

У меня в груди теплится крошечный огонек. Энцо – единственный человек здесь, который хорошо ко мне относится. Он знает, что все считают меня опасной, но он единственный ни капли меня не боится. И я уважаю его за это. Я делаю все, что он велит, и на каждой тренировке выжимаю из своих сил и тела по максимуму. Мне это нравится, мне нравится бегать, драться, нравится все, чего он от меня требует. Я стала сильнее, чем когда-либо. Быстрее. Крепче. Мысль об этом поддерживает меня в те минуты, когда я чувствую себя смертельно слабой.

– Доклад Энцо – единственная положительная нота в этом шквале негатива, – говорит Фэлон. – Ты ко всему безразлична и совсем не желаешь сотрудничать. Мы уже давно долж-

ны были исключить тебя из «Ленгарда». Да, конечно, доктор Ваник считает, что химические процессы в твоём мозгу... – он пытается подыскать подходящее слово, – уникальны, но есть и другие объекты, которые могли бы пригодиться ему в исследованиях. Так почему же ты до сих пор здесь, Джейн?

Я так понимаю, это риторический вопрос. Я не знаю, что он хочет от меня услышать, да и вряд ли он ждет ответа. И понятия не имею, почему они держат меня здесь, почему он захотел меня увидеть или почему меня день за днем подвергают различным тестам, а в случае Ваника – пыткам.

«Ленгард» – это тайное правительственное учреждение.

Вот и все, что мне известно.

Но *почему* оно тайное, я не знаю. Я даже не понимаю, почему я здесь. Мне никогда ничего не объясняли.

А я никогда не спрашивала.

Я просто *не могла*.

Поэтому все это время я надеялась, что кто-нибудь сам мне все расскажет. Но этого так и не произошло.

Фэлон не солгал: меня и правда нашли в психушке. Но здесь я такая же пленница, как и там.

Однако там я, по крайней мере, понимала, что происходит. В той психушке я заперлась добровольно, чтоб защитить остальных. Я знала, какие там правила. А здесь я провела уже два года, шесть месяцев, четырнадцать дней и до сих пор не знаю, какую игру мы ведем и какие у нее правила. Я будто стеклянная пешка в черно-белом шахматном наборе – до

странности неуместная и невероятно хрупкая.

Фэлон вздыхает и потирает лицо ладонью. Интересно, он правда так устал или просто играет на публику? Возможно, пытается втереться в доверие, хочет, чтобы я ему посоветовала. Хотя я не понимаю, зачем ему манипулировать мной. Я вообще ничего не знаю об этом человеке.

– Я решил, что нам нужно попробовать кое-что новое, Джейн. В качестве эксперимента. До сих пор ты не хотела нам помогать. Если ты и дальше будешь сопротивляться намерениям «Ленгарда», у меня не останется выбора. Придется исключить тебя из программы. Ты понимаешь, что это значит?

Хоть я и не знаю ничего об этой программе, я всегда понимала, что во внешний мир уже никогда не вернусь. В самом начале мне сказали, что о «Ленгарде» нельзя рассказывать обычным людям. И что правительство сделает все, чтобы гарантировать сохранность этой тайны. Поскольку я понимала, что на свободу мне все равно не выйти, эта угроза никогда меня не тревожила. А теперь... «Ленгард» избавится от меня, и никто об этом даже не узнает.

Фэлон ждет моей реакции. На этот раз я действительно должна ответить. Я коротко киваю, и его глаза одобрительно вспыхивают. Возможно, он считает меня сумасшедшей. Ведь именно это, скорее всего, и указал в своем отчете Ванник. Возможно, он думает, что я лишь пустая оболочка и не понимаю, о чем он говорит, что его слова не имеют для меня

значения. Откуда ему знать, что только они и имеют значение. Каждый час, каждую минуту я перебираю слова. Слова – это все, что у меня есть. Слова – это жизнь. Слова – это смерть. Они заполняют пустоту.

– Хорошо, – говорит Фэлон. – Тогда, начиная с завтрашнего дня, ты будешь работать еще и с Вардом. Твое привычное расписание останется неизменным. Сеансы с доктором Мэннингом, лейтенантом Энцо и Ваником – тоже. Но вечером тебя уже не будут перекидывать туда-сюда. Все это время ты будешь проводить с Вардом. Делай, что он велит, что бы он ни велел. И если через месяц я не увижу никаких положительных сдвигов, буду вынужден исключить тебя из программы. Тебя устраивают эти условия?

Я снова киваю, потому что именно этого он и ждет. Интересно, кто такой Вард и что он сделает, когда увидит, какая я безразличная. Месяц – это достаточно долгий срок, но, что бы он ни делал со мной, вряд ли это хуже пыток Ваника. По крайней мере, теперь у меня есть какой-то дедлайн. Мой персональный срок годности.

Это даже к лучшему. И все же... теперь, когда впереди забрезжил конец, я уже не могу игнорировать тревожный шепот в темном уголке моего сознания. А вдруг... вдруг месяца окажется недостаточно?

– Тогда, думаю, мы закончили. – Фэлон поднимается из кресла.

Я встаю следом и подавляю в себе желание бросить по-

следний тоскливый взгляд на мягкое кресло.

– Я искренне надеюсь, что ты проявишь максимум старания на занятиях с Вардом, – добавляет Фэлон, а затем вызывает охрану, чтобы они проводили меня обратно в камеру.

– Мало кому выпадает такая уникальная возможность – позаниматься с ним один на один. Так что не упусти ее. Быть может, другой у тебя уже не будет.

Так точно, директор, мысленно отвечаю я. А потом меня снова заковывают в цепи, как животное, и ведут обратно в клетку.

Глава 2

Фэлон не солгал. Следующий день начался как обычно. По меркам «Ленгарда», по крайней мере. Доктор Мэннинг, как обычно, анализировал мое молчание и пытался заставить меня заговорить. Энцо – выжать из меня остатки слабости, а Ваник – самосознания. Никто из них не преуспел, за исключением разве что Энцо. Наверное, потому, что его тренировки для меня что-то вроде терапии. Он не пытается разговаривать со мной, как Мэннинг, и выдавливать из меня слова. Или залезть мне в мозг, как Ваник, и выдергивать нервы один за другим. Энцо хочет лишь натренировать мое тело до нужного уровня. И требует только силы и выносливости. Этого у меня хватает. Это мне даже *нравится*.

Я наслаждаюсь временем, которое провожу под его бдительным надзором. Мышцы горят, глаза застилает пот, сердце выпрыгивает из груди... и я чувствую себя живой.

Единственная проблема – за тренировками неизменно следуют сеансы с Ваником. Энцо возвращает меня к жизни, а Ваник убивает – и так по кругу.

Я никогда не понимала, зачем он меня мучает. Хотя один раз я услышала, как он выдохнул: «Невероятно!», когда тестирует работу моих мозговых волн. Сразу за этим словом последовал новый разряд, такой мучительный, что я отключилась прямо в кресле и проснулась уже в своей каме-

ре несколько часов спустя. Понятия не имею, что он ищет в моей голове и почему так уверен, что непременно найдет. Фэлон сказал, что меня есть кем заменить, но не думаю, что Ваник с ним согласится. Я нужна ему. И это – единственная причина, по которой он не рискует подвергать меня испытаниям, которые могут окончательно сжечь мне мозг.

По крайней мере, пока.

Сегодняшний сеанс не похож на все остальные. Каким-то образом мне удалось остаться в сознании после его бесконечных уколов, тычков и попыток разобрать мое сознание на кусочки. И вот теперь меня ведут по очередному черно-белому коридору. Мне предстоит знакомство с новым испытателем. Совсем скоро я узнаю, что он будет со мной делать. Мои конвоиры – их снова двое, но это не те охранники, которые вели меня прошлой ночью, – останавливаются у запертой двери без опознавательных знаков. Один снимает с меня наручники, а второй прижимает ладонь к сканеру, и дверь отъезжает в сторону.

Я невольно распахиваю глаза. И это единственная эмоция, которую я себе позволяю.

Мы пришли в библиотеку. Здесь сотни, нет, даже тысячи книг. Или еще больше. Все полки этой небольшой комнаты забиты фолиантами. Никогда прежде я не видела такого прекрасного зрелища. Здесь так много слов. И так много чудес. – Оставьте нас. Я позову вас, когда она решит уйти.

Я вздрагиваю. Не только потому, что мне только что ска-

зали, будто я сама могу решить, когда уйти. Я так увлеклась книгами, что не заметила присутствия в этой комнате еще одного человека. Он сидит на диване, который кажется еще мягче и уютнее, чем кресло в кабинете Фэлона. Я хочу немедленно погрузиться в эти подушки, но не осмеливаюсь. Я вообще не двигаюсь, даже после того, как охранники покидают комнату и дверь за ними закрывается. Вся моя сила воли до капли уходит на то, чтобы казаться равнодушной и молча изучать сидящего передо мной человека.

Это не может быть Вард.

Я думала, что он окажется взрослым, как Фэлон, Ваник или Мэннинг. Но на вид он всего на пару лет старше меня, как Энцо. В случае с ним это объяснимо – его работа предполагает, что он должен быть в хорошей физической форме, и возраст тут не имеет значения. Но Вард...

Может, для его работы, какой бы она ни была, вовсе не обязательно быть мудрым, образованным и иметь за плечами многолетний опыт.

– Не хочешь присесть?

Он кивает на свободное место на диване рядом с собой. И это не приказ. Он спрашивает меня, дает мне выбор.

Не помню, когда мне в последний раз давали выбор.

Наверное, это было еще до «Ленгарда».

– Я не кусаюсь, – добавляет он.

Он приподнимает уголок рта, заметив мою нерешительность, и на его смуглой щеке появляется ямочка. Но, как бы

она ни привлекала внимание, я все равно не могу оторвать взгляда от его глаз. Никогда не видела такого насыщенного зеленого цвета. В сравнении с ними сапфировая рубашка Фэлона – скука смертная.

Я все еще стою на месте, как приклеенная, и он сам поднимается. Изо всех сил стараюсь не пялиться. У него золотистые волосы. А еще широкие плечи, узкие бедра и стройные ноги. Все его тело внушает пугающее ощущение силы и твердости духа. Но выражение его лица остается мягким, теплым и приветливым. Мне одновременно хочется и подойти к нему, и убежать подальше.

Он едва сказал мне пару слов, а уже навел беспорядок в моей голове.

Пусть это и нерационально, но я виню во всем его одежду. На нем джинсы – джинсы! – и черная футболка, которая выгодно подчеркивает каждый дюйм его тела. Я скучаю по джинсам. И по футболкам. Скучаю по голубому и черному, да и вообще по всем цветам. Как и Фэлон, этот парень не носит униформу, но я не знаю почему. Это обезоруживает. Как и он сам.

– Seriously. – Вард протягивает руку. – Пожалуйста, присядь. Мне немного не по себе, что ты стоишь на пороге.

Я лишь моргаю в ответ. Меня не смутило, что ему не по себе: я привыкла, что люди нервничают в моем присутствии. А вот его манеры застали меня врасплох. Я уже и забыла, как приятно слышать слово «пожалуйста». И я невольно подчи-

няюсь – сажусь в самый дальний уголок дивана и тут же проваливаюсь в мягкие подушки.

Я оказалась права – этот диван *намного* удобнее, чем кресло в кабинете Фэлона. Но мне нельзя расслабляться. Я сижу на самом краешке и в напряжении жду, что будет дальше.

– Спасибо, – говорит Вард, опускаясь обратно на свое место. – Мне всегда как-то неуютно, когда я сижу, а кто-то передо мной стоит.

Почему он так себя ведет? Мой статус «опасной» вечно внушает людям страх, я думала, так будет и с ним. Но похоже, что нет.

Интересно, что ему известно обо мне? Он бы наверняка не улыбался, если бы прочел мои файлы.

– Меня зовут Лэндон Вард. Для большинства – просто Вард. Но ты можешь звать меня Лэндоном.

Вот уж чего я точно делать не стану.

– А ты...

Вард оглядывает меня с головы до ног. Его глаза отчего-то вспыхивают. Он опускает взгляд и сжимает губы, стараясь подавить усмешку.

– Ты точно *не* Джейн Доу.

Тысяча и еще сто лет. Вот сколько времени проходит, прежде чем я снова делаю вдох.

Как мне реагировать? Хотя бы щеки не покраснели. Я борюсь с желанием заправить прядь за ухо. Мне хочется двинуть руками, скрестить ноги, прикусить губу. Но нельзя по-

казывать ему, что я волнуюсь. Пусть не думает, будто имеет на меня влияние.

– Определенно не Джейн Доу, – почти мечтательно повторяет Вард. – Но мне сказали, что ты отказываешься называть свое настоящее имя. Так как же мне тебя называть?

Если он ждет, что я что-то ему отвечу, тогда он *точно* не читал мои файлы.

– Можем придумать прозвище, которое подойдет к твоей внешности. У тебя такие темные волосы, такие яркие глаза... – Он слегка наклоняет голову. – Нужно что-то... броское и неожиданное. Может... «Пацанка»? Как тебе?

Как он вообще мог такое сказать? Впервые за два с половиной года мои губы щекочет нечто похожее на улыбку.

– Понятно, «Пацанка» тебе не нравится. Не лучше, чем Джейн Доу, правда? – Не понимаю почему, но его это, кажется, забавляет. – Как насчет цветка? «Цветочек», например?

Я морщу нос – просто не успеваю спохватиться. Тут же быстро напускаю на себя безразличный вид, но первая трещина уже проложена.

На щеке Варда снова появляется ямочка.

– И это не очень, да? Тогда никаких цветов. Обещаю. – Он барабанит пальцами по обтянутому джинсами бедру. – Ничего, ты можешь мне довериться. В конце концов я придумаю что-нибудь такое, что непременно тебе понравится.

Да кто *вообще* такой этот парень?

– Отлично!

Он громко хлопает в ладоши и вскакивает на ноги. Я легко вздрагиваю от неожиданности и очень надеюсь, что он этого не заметил.

– Приступим к делу. У нас осталось... – Вард бросает взгляд на часы. – Примерно пять часов. Знаешь, говорят, когда тебе хорошо, время бежит быстрее.

Пять часов? У меня бывают длинные сеансы по вечерам, но обычно время распределяют между несколькими тестирующими. Я уже много лет не проводила так много времени с кем-то наедине.

– Думаю, дело пойдет как по маслу, когда мы чуть ближе узнаем друг друга, – говорит Вард, прохаживаясь вдоль одного из книжных стеллажей. – Тебя это устраивает?

Нет. Совсем не устраивает. Я понятия не имею, что для него значит «как по маслу». И зачем нам «узнавать друг друга поближе»?

– К тому же, – добавляет он, просматривая корешки книг, – мне все еще нехорошо после вчерашнего, так что я не хочу особо напрягаться. Вчера моей сестре исполнилось восемнадцать, а она умеет отмечать праздники, уж поверь. Я же старше ее всего на год, но рядом с ней чувствую себя старпером.

Что происходит? Я ничего не понимаю. Почему он разговаривает со мной так, словно мы знакомы уже тысячу лет? Почему не пытается облепить мою голову электродами, побить электрошокером и не требует, чтобы я следовала жест-

ким инструкциям? В его поведении просто нет никакого смысла!

– Лови!

Я ловлю книгу, которую он бросил мне, примерно за секунду до того, как она угодила бы мне в лоб.

– Неплохая реакция. – Он впечатлен. – Энцо не зря так распинается о твоих успехах на тренировках.

Легонько ерзаю на краешке дивана. Ну вот, теперь мне интересно, что ему рассказал обо мне Энцо. И вообще, почему они с Вардом говорили обо мне?

– Да усядься же поудобней. Это не дело – читать классику, вытянувшись в струнку. – Если бы он перестал пялиться на полки, увидел бы, в каком я шоке. Но пока он занят, я робко опускаю взгляд и читаю название книги. Хм. Никогда не слышала о такой.

– Ну ладно-ладно, я соврал. Формально это не классика. – Вард возвращается к диванчику с еще одной книгой в руках – для себя. – И напрасно. Ты поймешь, о чем я, когда дочитаешь, поверь мне.

Не верю я ему. Ни капли. Но меня все равно смущает, когда он преспокойно усаживается на мягкие подушки, вытягивает руку по спинке дивана у меня за спиной – прямо-таки пугающе близко – и просто погружается в чтение. Проходит одна минута. Затем еще одна. Три минуты спустя я все так же сижу, смотрю перед собой и жду. Но Вард читает, и только. Я вижу, как его взгляд перебегает со строки на строку, со

страницы на страницу, впитывая слова, которые видны только ему одному.

Проходит пять минут, он прижимает палец к строчке, на которой остановился, поворачивается ко мне и перехватывает мой недоуменный взгляд.

– Если ты немедленно не успокоишься и не начнешь читать, мне придется читать тебе вслух. Но предупреждаю: я буду менять голоса. И акценты.

Он резко и драматично кашляет, а затем опускает взгляд в свою книгу и произносит с густым шотландским акцентом:

– «Та не хóчу я чаю, слышь, – сказал МакНэлли старой вдове. – Я Кормака хочу повидать, слышь! – А я сказала те, что Кормак тя видеть не хочет. Придется те подождать, пока не...»

Я рывком распахиваю свою книгу, и Вард прекращает издеваться над этим чудесным акцентом.

– Видела бы ты свое лицо, – усмехается он. – Да ладно, вышло не так уж и плохо.

Да неужели? У меня чуть кровь из ушей не пошла.

– Можешь залезть с ногами и устроиться поудобнее. У нас весь вечер впереди.

Он прав. Мне нечего терять. Если окажется, что все это какая-то жестокая шутка или очередной психологический эксперимент, я буду очень разочарована. Но если у меня действительно есть возможность просто почитать пару часов, то лучше я и правда устроюсь поудобнее.

Я прижимаюсь спиной к подушкам и забиваюсь в самый дальний уголок дивана. Поджимаю под себя голые ступни. На Варда я не смотрю, но чувствую его одобрение. Всячески игнорирую его и погружаюсь в прекрасную глубину слов.

Глава 3

– Динь? Эй, Динь? Проснись. Нам уже пора.

Кто-то осторожно трясет меня за плечо, пока приглушенные слова наконец не проникают в мой спящий мозг. Я вскакиваю так резко, что только чудом не сталкиваюсь лбом с Вардом.

– Полегче, Динь. Если ты не против, давай пока не будем ломать мне нос.

Я наверняка по-дурацки тарашусь на него, но спросонья меня заботит лишь одно: почему он так близко?

Мы с Вардом занимаемся уже две недели. Каждая наша встреча ничем не отличается от предыдущей. Он очень добр ко мне, и я тоже невольно оттаиваю, хоть и продолжаю держать оборону. Он откуда-то знает, что я люблю читать, и именно этим мы и занимаемся во время каждой нашей встречи. Я ничего не понимаю. Но в то же время мне это нравится. До знакомства с Вардом я два с половиной года не держала в руках книгу. А за последние две недели я от корки до корки прочитала целых пять. Тридцать месяцев я была безвылазно заперта в одиночестве в собственной голове, а теперь ее заполнила толпа героев. И все они требуют моего внимания. Это похоже на глоток свежего воздуха и здорово успокаивает.

Это... потрясающе!

– Мне очень льстит то, что моя компания так тебя вдохновляет.

Слова Варда заставляют меня шире открыть глаза.

– Или это чтение тебя так взбодрило?

Смотрю на книгу, по-прежнему лежащую у меня на коленях. Это моя любимая, я читала ее много раз, еще до «Ленгарда». Так что нет, я отключилась не из-за нее. Но я никак не могу признаться Варду, почему на самом деле проспала целых – смотрю на циферблат на стене – три часа!

Он наблюдает за мной, так что я пытаюсь скрыть удивление. Не пойму, почему он позволил мне проспать столько времени. Почему он вообще позволил мне спать. Но я все равно ни о чем не спрошу. Иначе он захочет узнать, почему я отключилась. А я не хочу, чтобы он знал. Это не его дело.

Просто в последнее время, а точнее, за последние две недели, эксперименты Ваника стали еще более мучительными. Сегодня было особенно тяжело. Такое чувство, будто он пропустил мой мозг через блендер, а потом кучей вывалил обратно в черепную коробку. Мой рассудок напоминает разобранный пазл – и Ваник даже не попытался собрать его воедино. Просто слепил как попало в надежде, что он сохранил работоспособность.

Какими бы ни были его цели, для Ваника все равно очень важно, чтобы мой уникальный мозг оставался здоров и работал на оптимальном уровне, необходимом для его исследований. Да, Ваник никогда не делает ничего, что могло бы

окончательно его уничтожить, но не гнушается делать мне больно. Эта боль не оставляет реальных шрамов. Но все равно черто...

– Seriously, Динь, что с тобой сегодня такое?

Сжимаю губы и отвожу взгляд, делаю вид, что разглядываю комнату. Терпеть не могу это имечко, которое он для меня выбрал, – Динь. А ненавижу я его, потому что мне оно страшно нравится.

– Я решил называть тебя Динь, – сообщил он мне в конце нашей самой первой встречи и добавил с широкой улыбкой: – Потому что каждый раз, когда я буду его произносить, мне будет казаться, что я легонько скалываю с тебя кусочек льда: динь, динь, динь. Однажды вся твоя оболочка растает, и я смогу увидеть тебя настоящую. Думаю, ради этого можно и потерпеть.

Не могу выкинуть эти слова из головы. И ведь и правда, всякий раз, когда он называет меня этим тупым, ужасным, отвратительным... прекрасным прозвищем, я чувствую, как потихоньку таю.

– Ты мне все равно ничего не скажешь, да? – Вард нервно проводит ладонью по волосам. – Ну ладно. Но вчера ты была совсем разбита, а сегодня дела еще хуже. Давай-ка ты как следует выпишься, потому что я не хочу завтра опять увидеть живой труп. Договорились?

Кивок кажется мне наиболее уместным ответом, так что я киваю. Вард не знает, что я отлично сплю по ночам. Убивают

меня именно в течение дня.

– Тогда мы закончили, – говорит Вард. – Пойдем, отведу тебя в комнату, пока ты опять не отключилась.

Он встает, а затем внезапно хватается меня за руку и поднимает на ноги. Мои пальцы сжимаются в спазме, когда я чувствую его прикосновение. Испуганно глотаю воздух. Меня уже давно никто не касался так... нежно. Рукопожатие с Фэлоном едва ли считается. Еще бывают спарринги с Энцо, конечно, но во время этих занятий я всегда в перчатках. Я уже и забыла, каким теплым может быть другой человек, особенно если учесть, что последние два года я ощущала лишь холод. Или даже дольше. С тех самых пор, как...

Силой отгоняю воспоминания. Нужно сосредоточиться на этом ощущении. Пусть оно длится всего ничего – мне все равно больше не холодно. По крайней мере моей ладони. Но затем я все-таки отдергиваю руку.

Моя реакция, похоже, удивляет его. Он мирно приподнимает ладони и вопросительно заглядывает мне в глаза. Но я все равно не буду отвечать.

Впрочем, Вард не настаивает и просто ведет меня к двери. Обычно в этот момент он зовет внутрь моих охранников, но сегодня сам выходит со мной в коридор и ведет к камере.

Я еще *никогда* не гуляла по «Ленгарду» без охранников и наручников. Как приятно чувствовать себя такой свободной!

Мы молча идем по коридорам. Интересно, сильно ли его задело то, что я отдернула руку? Хотя почему меня вообще

это волнует?

– Это твоя, верно? – спрашивает он, когда мы подходим к двери с номерным знаком.

Да, все правильно. Объект Шесть-Восемь-Четыре.

Я киваю, и Вард прижимает ладонь к сенсорной панели на стене у входа. Дверь отъезжает в сторону. Интересно, что он будет делать дальше? Я не удивляюсь, но слегка напрягаюсь, когда он заходит в камеру первым.

– Так, значит, это твоя комната? – снова спрашивает он, разглядывая тесное пространство.

Я пытаюсь взглянуть на свою камеру со стороны. Четыре ослепительно-белых стены. Тоненький пенопластовый матрас на полу в углу. Комковатая подушка. Рваное, выцветшее одеяло. Да, не пять звезд, но тут есть все, что нужно для жизни. Однако лицо Варда почему-то каменеет. Его зеленые, просто невероятно зеленые глаза загораются, а руки сжимаются в кулаки так, словно он борется с желанием что-то ударить. Или *кого-то*.

Я нервно отступаю, и он тут же поворачивается ко мне. Окидывает меня взглядом – мои босые ноги, спецодежду, похожую на наволочку от подушки, и измученное лицо. Похоже, он впервые наконец-то видит и понимает, кто я и что я на самом деле. Он пытался подружиться со мной целых две недели, хотя и непонятно зачем. Возможно, до этого момента он не осознавал, что в стенах «Ленгарда» я не человек, а узница.

Он долго-долго смотрит на меня. Я очень хочу отвернуться, но в то же время чувствую, что должна выдержать этот взгляд. Пусть он увидит: я поняла, что он все осознал. Скоро его фасад потрескается, и он превратится в бездушного тестировщика, каким и должен был быть с самого начала.

Я жду, жду и жду, но ничего не происходит.

– Поверить не могу, – тихо произносит он.

Такое ощущение, будто он говорит не со мной.

– Что за игру они затеяли?

Он покачивает головой и поворачивается ко мне, но в этот раз, впервые с нашего знакомства, не встречается со мной взглядом. Просто смотрит сквозь меня и бросает:

– Ложись спать, Динь. До завтра.

Он выходит за дверь. Та закрывается, и я остаюсь одна, а в моей голове роятся и множатся вопросы.

Глава 4

После восьмичасового сна я чувствую себя заново родившейся. Я иду к кабинету доктора Мэннинга по белоснежным коридорам, и мне кажется, будто пол у меня под ногами легко пружинит. Терапевт подмечает мое жизнерадостное настроение, коротко улыбается и жестом приглашает меня сесть.

– Ты такая веселая сегодня, Джейн, – говорит Мэннинг.

Блестящие черные глаза неотрывно следят за мной.

– Не расскажешь почему?

Он уже знает ответ на этот вопрос. Он оставался неизменным в течение последних двух с половиной лет – молчание.

Мэннинг старается как может, этого не отнять. Но о некоторых вещах лучше не говорить. Хотя в моем случае – обо всех вещах. Поэтому едва ли можно назвать терапией те два часа, которые я каждое утро провожу в его кабинете с первого дня в «Ленгарде». Не знаю, почему Мэннинг терпит это и почему в «Ленгарде» так настойчиво хотят продолжать наши сеансы, ведь я просто трачу его время. Все, чего он со мной добьется, – это преждевременная лысина. Мне-то все равно больше нечем заняться. А вот Мэннингу... Наверняка в этих стенах есть те, кому его внимание нужнее.

Так или иначе, все в «Ленгарде» с самого начала были очень озабочены моим психическим здоровьем. И вот по-

этому я до сих пор прихожу к Мэннингу каждый божий день и сижу с ним в уютной тишине.

Иногда Мэннинг задает вопросы. Например, какой у меня любимый цвет? Нравится ли мне вкус коктейлей, которыми меня тут поят? Уважительно ли относятся ко мне охранники? Думаю ли я, что время, проведенное в «Ленгарде», как-то повлияло на мое мировоззрение?

Когда он впервые задал последний вопрос, я чуть не расхохоталась. Но мне удалось сдержаться, как и всегда.

Сегодня все идет как обычно. Мэннинг начинает со стандартных вопросов и терпеливо ждет ответа. Я молчу, и тогда он откидывается на спинку кресла и просто смотрит на меня.

Вначале меня это нервировало. А потом я поняла, чего он добивается: наверное, думает, что это доведет меня до ручки, я сорвусь и заговорю.

Но теперь и я знаю правила этой игры. Когда наше время подходит к концу, он спокойно отпускает меня, не показывая, что разочарован отсутствием успеха. Как и положено хорошему психотерапевту, он ловко скрывает чувства за непроницаемым выражением лица.

– Увидимся завтра, Джейн, – говорит Мэннинг, когда охранники уводят меня из кабинета. Он прощается со мной так каждый день, как будто мы с ним проделали огромную работу и ему не терпится вернуться к ней вновь.

В такие минуты я спрашиваю себя: уж не спятил ли он часом? И вместе с тем понимаю: он просто очень упрямый.

Однако я такая же. Ему не пробиться сквозь мои стены, они крепче камня.

Я иду по коридору и думаю о том, что произошло прошлой ночью, когда Вард привел меня в камеру. Мы с ним не увидимся до самого вечера, поэтому я здорово удивляюсь, когда прихожу на тренировку и вижу, как он собственной персоной стоит там и разговаривает о чем-то с Энцо.

– Доброе утро, Джей Ди, – приветствует меня Энцо, после того как охранники снимают с меня наручники и выходят из спортзала.

Мне нравится Энцо. Например, потому, что он не называет меня «объект Шесть-Восемь-Четыре» или даже «Джейн Доу». Как и Вард, он дал мне прозвище, пусть в его основу и легли инициалы моего кодового имени. Хотя предательский внутренний голос все равно нашептывает, что Динь – лучше.

– Ты знаешь, что делать, – говорит Энцо. – Вещи в шкафчике. У тебя три минуты, и живо назад. Давай шевелись!

Мне не нужно напоминать, что делать, но он все равно каждое утро дает мне инструкции. Я, как обычно, киваю и иду в раздевалку. Прохожу мимо Варда. Зачем он пришел? Надеюсь, когда я вернусь, его уже не будет. Одна из причин, по которым я люблю тренировки, – мне наконец можно снять с себя дурацкую униформу. Даже в «Ленгарде» признают, что в этой наволочке невозможно тренироваться. Каждый день я целых три часа наслаждаюсь тем, что ношу короткие серые шорты и белую обтягивающую майку. В этой

одежде так удобно двигаться. Мне до сих пор не позволяют носить обувь – не знаю почему. Но уже привыкла обходиться без нее.

Не считая Энцо, который собственными глазами видел, как я превратилась из угловатого подростка в сильную молодую женщину, никто еще не видел меня в обтягивающей спортивной одежде. И теперь, зная о том, что в соседней комнате находится Вард, я думаю о том, как выгляжу в ней. Какой меня увидит *он*.

В последний раз я смотрелась в зеркало еще до того, как оказалась в «Ленгарде». Но здесь нет зеркал. По крайней мере, я еще ни разу не видела. Все, что мне остается, – сделать глубокий вдох, напустить на себя равнодушный вид и вернуться в зал.

– Шевели булками, Джей Ди. – Энцо стоит, скрестив руки на груди. Его темная кожа блестит в свете галогеновых ламп. Он небрежно кивает в сторону Варда: – Лэндона ты уже знаешь.

Странно слышать, как Варда называют по имени. Это делает его более... простым и близким.

– Сегодня ты выглядишь намного лучше, Динь.

Тяжело игнорировать это замечание. Видимо, он о том, что я больше не бледная как смерть. Но, может, он заметил, что мне идет спортивная форма?... Не могу на него смотреть.

– Динь? – переспрашивает Энцо.

Вард пожимает плечами.

– Ей понравились конфеты «Динь-Динь», Энц.

Какая-то дурацкая ложь, но Энцо этого не замечает.

– Я не знал, что тебе разрешают углеводы, – хмурится Энцо. – Тогда я бы тоже включил допкалории в твой спортивный рацион.

Вард хлопает его по плечу.

– Опоздал, Энц. Да и потом, она и так выглядит... неплохо.

Я чувствую, как его взгляд скользит по моей коже, оставляя почти ощутимый горячий след. Не буду реагировать. Не буду. Не...

– Ладно, за работу.

Спасибо, Энцо.

– Увидимся за ланчем, Лэндо. Тебе лучше убраться отсюда, пока Джей Ди не лопнула. Если она покраснеет еще немного, растопит всю Арктику.

Было бы неплохо прямо сейчас провалиться под землю. Но, как и в случае с большинством моих желаний, этого не происходит. Вместо этого Вард коротко усмехается, и мое непослушное сердце пропускает удар.

– Я не шучу, Лэндо, – добавляет Энцо. – Если Джей Ди где-то налопалась углеводов, моя задача – их растряссти. Я тебя сейчас отсюда пинками вытурю.

– Только попробуй. Или ты забыл, что было в прошлый раз?

– Все, проваливай. – Энцо толкает его в плечо, причем достаточно сильно.

– Ладно-ладно, я уйду. – Голос Варда искрится смехом. Он отворачивается и бросает напоследок: – Увидимся через пару часов, Динь. Приходи прямо в этих шортиках.

Нужно положить этому конец, до того как ситуация выйдет из-под контроля.

Может, здесь, в «Ленгарде», у меня и нет власти, но остатки самоуважения все-таки остались. Энцо перехватывает мой взгляд и намерения.

– А знаешь что, я передумал, – неожиданно говорит он и вытягивает руку, чтобы остановить Варда. – Почему бы тебе и правда не остаться? Посмотришь на Джей Ди «в этих шортиках» в деле. Ты разминайся. – Энцо тыкает в мою сторону пальцем, а затем снова поворачивается к Варду: – А ты свали в сторону – нам нужно больше места.

Вард молча подчиняется и отходит, не отводя от меня взгляда. Мне жутко не по себе от этого, но я стараюсь сосредоточить все мысли на Энцо – он ушел за нашими боксерскими перчатками. Я разминаюсь. К тому моменту, когда Энцо возвращается с перчатками, я уже полна решимости показать Варду все, на что способна. Не позволю ему издеваться надо мной. По крайней мере вот так, демонстративно. Энцо передает мне перчатки. Я смотрю на их ядовито-розовую кожу и стараюсь подавить улыбку. Я никогда не общалась ни с кем в «Ленгарде», если не считать охранников и

экспертов. И так было всегда, за исключением одного случая. Через несколько недель, после того как я приехала сюда, белые стены «Ленгарда» начали давить на меня. Я чувствовала себя, как в ловушке, и понимала, что не вернусь во внешний мир до конца жизни, какой бы короткой она ни была.

Это был ужасный день. Сначала Энцо вырубил меня прямо во время тренировки, а затем еще и Ваник провел надо мной один из самых неприятных своих опытов. Я лежала на матрасе в камере, свернувшись в клубочек. Голова раскалывалась от боли. А потом дверь отъехала в сторону, и в мою камеру пробрался Энцо. Прижал к губам палец, присел и положил рядом со мной бумажный пакет.

– Дальше будет легче, Джей Ди. Ты выдержишь, – прошептал он и нервно оглянулся на дверь. – Помни об этом каждый раз, когда будешь их надевать. Договорились? Только не сдавайся.

Я открыла пакет и увидела внутри пару ядовито-розовых перчаток – я впервые за много недель увидела такой яркий цвет. Некий проблеск надежды на более яркое и красочное будущее. Не считая того случая, я никогда не встречалась с Энцо за пределами спортзала. Но этот его поступок значил для меня очень много, даже несмотря на то, что в тот раз ему пришлось забрать перчатки с собой, иначе бы их у меня отобрали. Теперь каждый раз, когда он бросает их мне перед тренировкой, те слова вспыхивают у меня в памяти.

Только.

Не.

Сдавайся.

Эти три слова помогали мне столько раз, что и не сосчитать. Они спасали меня во время долгих часов тишины и изоляции, помогали справляться с воспоминаниями и ночными кошмарами. Благодаря им я держалась во время тестов и пыток. И никто не мог их у меня отобрать – ни Ваник, ни Мэннинг... ни даже я сама.

– Готова?

Вопрос Энцо возвращает меня в настоящее. Я затягиваю застёжки на перчатках, вскидываю кулаки и пружинисто перепрыгиваю с места на место, разминаясь. Энцо усмехается Варду.

– Советую тебе все конспектировать, Лэндо. Ты, может, и надрал мне зад один раз, но это было очень давно, и с тех пор мы с тобой не дрались. Сейчас ты увидишь, как ошибался.

Ответ Варда я уже не слушаю, просто бросаюсь вперед и бью Энцо в пресс обоими кулаками, а затем наношу еще серию ударов, достаточно сильных, чтобы он отлетел на несколько шагов.

Почему он не защищается? Обычно он начеку. Но все же Энцо быстро включается и атакует меня в ответ.

Помимо силовых тренировок и тренировок на выносливость, от которых мышцы горят огнем, мои занятия с Энцо включают в себя все виды боевых искусств – от тхэквондо до айкидо и джиу-джитсу, – а также охватывают различные

виды бокса, борьбы и кикбоксинга. Если бы я училась всему этому сто тысяч лет, мне бы все равно было чему научиться, но после тренировок с Энцо я уже вполне могу дать ему бой по крайней мере в течение пары минут.

Я никогда не могла до конца понять, зачем в мое расписание включили эти тренировки. Перед самой первой Энцо начал было говорить о том, что это поможет мне лучше себя контролировать, но затем спохватился и просто сказал, что физическое и психическое здоровье тесно связаны.

– В здоровом теле – здоровый дух.

Вот что он мне тогда сказал. И тогда я все поняла. В «Ленгарде» хотели, чтобы мое тело всегда было в тонусе, на пике возможностей, чтобы рассудок выдерживал все тесты и испытания, которые они придумают.

Что бы ими ни двигало, против тренировок я ничего не имею. Ведь они – это единственное, что радует меня в «Ленгарде».

Мы двигаемся по кругу и наносим легкие проверочные удары по воздуху, оценивая боевую готовность друг друга. Я перехватываю взгляд Энцо и вижу, что ему это нравится. А еще ему нравится то, что за нами наблюдает Вард. Не знаю почему. Да и наплевать. Главное, чтобы Вард кое-что понял. Увидел, что я вовсе не изнеженный домашний цветок в обтягивающих шортиках. Я – нечто большее. Настолько большее, что ему и не снилось.

Энцо прекрасно знает, на что я способна. Странно, что

он позволяет мне нападать. Апперкот, удар ногой, несколько быстрых и четких ударов в промежутке. Да, он отвечает на удары, пока мы кружим, но я ведь точно знаю, что не настолько хороша, насколько он пытается показать. Бросаю взгляд на Варда – он изумлен. Но я не хочу, чтобы его впечатляла эта игра в поддавки.

Моего терпения хватает еще минуты на три.

Я уклоняюсь от очередного выпада Энцо и наношу стремительную серию ударов ему под ребра. Стальные мышцы спасают его от внутренних повреждений, но удары все равно достаточно сильные, чтобы все его тело импульсивно сжалось. Я не даю Энцо времени на ответный удар и впечатываю правый кулак прямо ему в челюсть. Вообще-то у нас с ним есть негласное правило – не бить по голове, но я хочу, чтобы эта пародия на бой поскорее закончилась. Я не гнушаюсь дешевыми приемчиками, и даже если на губах Энцо и промелькнула одобрительная улыбка, он делает вид, что ему наплевать.

Я же вижу, что он даже не старается, так что пора заканчивать этот фарс. Я преодолеваю дистанцию между нами, цепляю его ногой под коленом и одновременно наношу сокрушительный удар обоими кулаками в грудь. Прыгать на него, когда он уже на полу, смысла нет: и так ясно, что бой окончен.

Энцо поднимается на ноги. У него хватает наглости ухмыльнуться. Он обнимает меня за плечи – это что еще за

нежности! – и ведет обратно к Варду.

– И как ты собирался надрать мне задницу, если тебя только что побила девчонка? – спрашивает тот. Его глаза так и брызжут весельем.

– Называй меня мистером Мияги², – отвечает Энцо. – Ведь это я научил эту попрыгунью всему, что она знает. И да, если эта девочка смогла *мою* задницу надрать, просто представь, что она сделает с твоей, Лэндо.

Все, с меня хватит. Я сбрасываю с себя руку Энцо и ухожу от них к беговой дорожке. В этом раунде не выиграл никто – ни я, ни Энцо, ни Вард. Надеюсь, они хотя бы поняли, что я могу за себя постоять. И у меня тоже есть чувство собственного достоинства. Я пробегаю пять километров, прежде чем набираюсь смелости замедлиться и оглянуться через плечо. Варда нигде не видно. Я схожу с беговой дорожки и подхожу к Энцо.

– Не смотри на меня так, – говорит он довольным тоном. – Я этого не планировал. Но потом скажешь мне спасибо.

Вот уж дудки. Этого я делать точно не буду. Я раздраженно выдыхаю и встряхиваю головой, пытаясь избавиться от этого чувства. Хорошая тренировка – вот что поможет мне сбросить напряжение. К счастью, Энцо настроен на то же самое. Когда наш спарринг подходит к концу, я задыхаюсь и обливаюсь потом, а в моей крови бурлят эндорфины. Увы,

² Мистер Мияги – мастер боевых искусств из фильма «Парень-каратист» (1984).

этого ощущения хватает лишь на душ и обед, потому что, едва я переступаю порог лаборатории Ваника, мрак и унылые тяжко наваливаются мне на плечи.

– Садись, Шесть-Восемь-Четыре, – говорит Ваник, как только охранники выходят за дверь. – У нас сегодня много дел.

Я подхожу к потрепанному виниловому стулу. Меня пронизывает страх, но лицо остается непроницаемым. Я уже давно заметила, что Ваник испытывает какое-то нездоровое наслаждение, когда видит мои мучения. А у меня нет желания доставлять ему это удовольствие.

Он приглаживает мои волосы и по одному подключает провода к моей коже. Начинает с головы и спускается все ниже и ниже.

Как же несуразно он выглядит! На нем белоснежный халат и начищенные до зеркального блеска туфли – воплощение безупречной чистоты. Однако о нем самом этого точно не скажешь: лицо блестит от жира, под глубоко посаженными глазами и острыми скулами лежат тени, делая его лицо похожим на черепашку. Но хуже всего его волосы: маслянистые, длинные, свисающие с присыпанного перхотью скальпа. Если он действительно такой гений, каким его все считают, почему он до сих пор не догадался купить себе шампунь?

– Сегодня попробуем кое-что новенькое, Шесть-Восемь-Четыре, – шепчет Ваник, после того как подключает провода к различным машинам. Когда я не знала, зачем они

нужны, эти штуковины здорово меня пугали. И, как оказалось, не напрасно.

– Мне тут нашептали, что ты, возможно, скоро нас покинешь, так что я решил немного ускориться. – Похоже, Ваня не по душе такие перемены. – Во время наших последних занятий я пошел на риск – допустимый, конечно. Но сегодня мы с тобой зайдем еще немного дальше. Нет, мы не собираемся наносить тебе... непоправимый вред, так что не волнуйся, Шесть-Восемь-Четыре. Скоро все закончится.

Эти слова должны меня утешить?

Сидеть неподвижно уже не выходит, потому что Ваня приступает к пыткам. Сначала ток колет меня, потом бьет... И так по кругу. Ярываюсь от крика, но никто его не слышит, потому что я кричу безмолвно, про себя, а с губ не срысывается ни звука. Больно, господи, как же мне больно – и не только физически. Ваня методично уничтожает мою личность. От крупиц самоуважения, которые появились после тренировки с Энцо, не осталось и следа.

Я не более чем шепот, призрак той девушки, которая всего несколько минут назад надирала взрослому мужику зад. Если бы Вард или Энцо, да кто угодно... Если бы они видели меня сейчас, то разглядели бы на моем месте лишь пустую оболочку. Я молюсь, чтобы эта боль прекратилась. Но Ваня не останавливается до тех пор, пока наш сеанс не подходит к концу.

– Ну что ж, на сегодня хватит, – говорит он, снимая рем-

ни, которыми связывает меня всякий раз, когда мое тело начинает конвульсивно дергаться и извиваться. – Завтра продолжим с того, на чем остановились.

Мне хочется завизжать, наорать на него, но едва ли он стоит такой чести. В кабинет заходят охранники. Если они почувствуют угрозу с моей стороны, вырубят без колебаний, а я сегодня уже больше не выдержу. Смирно убираю трясущиеся руки за спину и жду, когда на меня наденут наручники. Не могу ничего с собой поделаться и дергаюсь, когда ледяной металл прикасается к моей нежной коже. Меня ведут к Варду. Нужно держаться прямо. Кожа вся влажная от пота, каждый нерв пылает, и в то же время меня трясет от холода. Голову разрывает на куски боль такой силы, что я невольно задумываюсь, уж не вскрыл ли мне Ваник череп мимоходом? Хотя нет, вряд ли он настолько отчаялся. Мы подходим к двери в библиотеку, охранники снимают с меня наручники и ждут, когда я войду внутрь. Вард всего за пару дней дал моим сопровождающим понять, что не желает видеть их на своей территории. Они получили приказ оставлять меня у двери, и я входила в библиотеку одна. Вот только сегодня я бы не отказалась от их поддержки. Как только с меня снимают наручники и я делаю шаг вперед, ноги подкашиваются, я спотыкаюсь, врезаюсь в дверь, вваливаюсь в комнату и ничком падаю на ковер. Вард кидается ко мне и что-то кричит, но у меня нет сил ему ответить. Он выкрикивает мое имя, раз за разом, все громче и громче – наверное, он уже совсем

рядом с моим неподвижным телом. Вард засыпает меня вопросами, переворачивает на спину, убирает волосы с лица, заправляет их мне за уши. Я с трудом нахожу в себе силы приоткрыть глаза и вижу его перепуганное лицо в паре дюймов от моего собственного.

– Скажи хоть что-нибудь, Динь. – Он прижимает ладонь к моей щеке и прерывисто вдыхает. – Да ты ледяная! Черт возьми, что они с тобой сделали?

Меня жутко трясет. Я не могу ничего ответить и просто смотрю на него. Затем мои глаза закатываются, и меня окутывает блаженная тьма.

Глава 5

Не знаю, как долго я была без сознания, но прихожу я в себя не в своей камере. И не в лазарете «Ленгарда» – там я была уже миллион раз. В нос не бьет запах больницы, глаза не разъедает белизна стен. Это само по себе вызывает у меня тревогу, потому что стен другого цвета в «Ленгарде» я еще не видела. Сейчас вокруг меня – темно-серые. Я переворачиваюсь в удобной мягкой кровати и оглядываюсь по сторонам. Не комната, а коктейль из оттенков белого и серого, начиная с одеяла и прикроватной тумбочки и заканчивая гигантской абстрактной картиной на стене. У меня нет ни малейшего представления о том, где я. Но есть догадка. И от этой догадки у меня мгновенно пересыхает в горле, а сердце ухает вниз. Я сбрасываю одеяло, подползаю к краю кровати и спускаю ноги. Вот это да. Надо мной что, поколдовали какие-то эльфы, пока я спала? Все это какая-то магия. Точно не реальность. Моя привычная форма-наволочка куда-то исчезла, а ей на смену пришли толстовка с флисовой подкладкой и утепленные хлопковые штаны. На ногах – пара вязаных носков. Они кажутся роскошью, так что какое-то время я просто сижу и с благоговейным трепетом шевелю пальцами ног. Впервые за много лет я чувствую, как меня окутывает уют, и стараюсь не пугаться этого, а наслаждаться. Но затем открывается дверь, и от иллюзии не остается и следа.

– Наконец-то проснулась. – В комнату заходит Вард, и я тут же вскакиваю. – Тише, Динь, тише. Не думаю, что тебе уже можно вставать.

Он осторожно, но крепко сжимает мою руку и снова усаживает на кровать.

– Ну как ты себя чувствуешь? Тебе лучше?

Я не понимаю, почему он так беспокоится обо мне. Он не должен. Он – один из них, мой тестировщик. Хоть я и понятия не имею, что он оценивает во время наших библиотечных посиделок, но точно знаю, что у него, как и у всех остальных, есть некое задание. Я для него не более чем подопытный кролик. Объект Шесть-Восемь-Четыре. Джейн Доу. Не...

– Динь?

Нет.

Он не должен относиться ко мне, как к Динь. Он вообще никак не должен ко мне относиться. Так почему же он, вопреки здравому смыслу, склонился над моей постелью, почему так нежно гладит мой подбородок и вопросительно смотрит на меня своими потрясающими зелеными глазами? Мне хочется волосы рвать на голове от непонимания и отчаяния, потому что даже спустя две недели я по-прежнему не представляю, какова цель наших с ним «занятий» и почему им отводят столько времени каждый день.

В этом.

Просто.

Нет.

Смысла.

У всех остальных тестируемых цели прописаны очень четко: Энцо тренирует мое тело, Ваник ковыряется у меня в мозгу, а Мэннинг пытается залезть мне в душу. Каждый умело играет свою роль, пусть я и никогда не узнаю, почему и зачем.

Мне долгое время удавалось держаться. Они просто выполняли свою работу, а я, хоть и не шла навстречу, все же не сопротивлялась. Эти отношения похожи на мои отношения с утренней кашей: я просто проглатываю ее, не чувствуя вкуса. Я такая же пресная и полезная. Делаю, что нужно, и только. Выживаю, а не живу. И я сама выбрала этот путь. Так я буду в безопасности – как и окружающие. По крайней мере, именно так все и было, пока не появился Вард. Рядом с ним я таю и ничего не могу с этим поделать. Две недели – и от меня начали откалываться кусочки льда, как он и обещал.

– Ну ответь же, Динь, – шепчет Вард и проводит кончиками пальцев по моей щеке. Мои ресницы вздрагивают от этого прикосновения, и я не отстраняюсь, хотя все внутри просто кричит, что именно это и нужно сделать. – Просто скажи, что ты в порядке.

Я глубоко вздыхаю и встречаюсь с ним взглядом. Едва заметно киваю, и этот кивок заменяет все, что я не могу сказать вслух: «Да, в порядке. Нет, объяснять я ничего не буду. Пожалуйста, не спрашивай, я не отвечу».

Он тоже вздыхает – с облегчением. Есть ли в этом хоть капля искренности? Если он и правда хороший тестировщик, то ни за что не стал бы так откровенно демонстрировать какую-либо привязанность. Он должен ясно понимать, что мне осталось совсем недолго. Он сам не что иное, как петля, которую набросил на мою шею Фэлон.

– Ты проспала почти девять часов, – говорит он. – Уже почти полночь.

Мои глаза распахиваются. Я еще никогда не была за пределами камеры в такое позднее время.

– Это мои личные апартаменты, – продолжает Вард, поднимаясь на ноги. – Я не знал, что с тобой делать. Тебе нужно было в тепло, так что я перенес тебя сюда.

Он сцепляет пальцы за спиной, и мне становится очень непросто смотреть ему в глаза: так и хочется опустить взгляд на туго обтянувшую его тело футболку.

– Моя тетя – главный врач «Ленгарда», и я уговорил ее прийти и внеурочно осмотреть тебя. Осмотр был поверхностный, но она сказала, что ты пережила тяжелейший шок. – Он бегло оглядывает меня. – Это она тебя передела, если тебе интересно.

Не так круто, как волшебные эльфы, но тоже неплохо.

– Ты, наверное, голодна. Я принес тебе кое-что перекусить, но потом тебе снова нужно будет поспать. Эстер, моя тетя, говорит, что для тебя сон – лучшее лекарство. Ты и обычно бледная, но это уже ни в какие рамки.

В его голосе слышна злость, и я во второй раз за двадцать четыре часа думаю о том, что хотела бы взглянуть на свое отражение в зеркале.

А затем Вард говорит не терпящим возражений тоном:

– Ты останешься здесь на всю ночь. И никаких возражений. В таком состоянии ты просто не дойдешь до своей... – Он сбивается, потому что не может подыскать нужное слово, и стискивает зубы. – До своего жилья. Я тебя больше никуда не понесу. Ты и здесь отлично выступишься.

Не могу ни о чем думать – ни о том, какой у него был взгляд, когда он упомянул о моей камере, ни о том, что он носил меня на руках. Я думаю только о том, что не хочу опять спать в его комнате. Ни за что. Это уже чересчур, это выходит за рамки дозволенного, даже если его самого здесь не будет. Он – мой тестировщик. И никогда, никогда не станет кем-то большим.

– И не спорь, Динь. Это дохлый номер, только силы потратишь.

С этими словами он разворачивается и выходит из комнаты.

Меня выбивает из колеи этот внезапный демарш, мысли путаются. Мне хочется спорить и протестовать, хочется избавиться от его общества и странного, бесконтрольного чувства, которое он во мне будит. Но он прав – у меня голова кружится просто оттого, что я сижу. Тем не менее, пользуясь его отсутствием, я снова встаю – по крайней мере, пыта-

юсь. Но колени сразу же подкашиваются, и я падаю обратно на кровать за несколько мгновений до того, как Вард снова возвращается в комнату.

– Держи, – говорит он и протягивает мне миску дымящегося ароматного супа.

Несмотря на бунтующий желудок, у меня сразу же текут слюнки. Как он пахнет! Не помню, когда я ела что-то еще, кроме местной баланды по расписанию. Этот суп кажется мне сказочным яством.

– Давай. Нужно восстановить силы.

Да. Я не хочу принимать от него помощь, но в то же время не настолько я гордая, чтобы воротить нос от такой еды. Особенно, если это – моя последняя трапеза. Я зачерпываю полную ложку и дую, прежде чем поднести ко рту. Закрываю глаза, уж лучше так – не хочу, чтобы он увидел, какая я счастливая. Ведь суп просто дивный. Огромные куски курятины в сливочном бульоне с овощами. Наконец-то натуральные овощи! Моя привычная каша и протеиновые коктейли и рядом не валялись с этим супом.

– Нравится, да? – спрашивает Вард.

Я неохотно открываю глаза и понимаю, что все это время он наблюдал за мной.

– Эстер на кухне, как рыба в воде. Она и меня пыталась научить. У меня, кстати, тоже неплохо получается, но она просто кулинарный ниндзя. К счастью для меня, а сегодня и для тебя, Эстер следит за тем, чтобы мой холодильник всегда

был набит до отказа. Там еще полно этого супа, так что ешь сколько влезет.

Мне бы очень хотелось, чтобы Вард снова куда-нибудь ушел, но он не уходит. Вместо этого он просто стоит и ждет, когда я доем. Я изо всех сил стараюсь казаться равнодушной, даже несмотря на то, что его присутствие портит мне самый вкусный обед за последние годы. Когда я доедаю последние капли, Вард спрашивает, не хочу ли я еще. Я согрета и вполне сыта. Заманчивое предложение, конечно, но лучше отказаться. Последнее, чего я хочу, так это выbleвать этот замечательный суп на его замечательный пушистый белый ковер. Я молчу. Вард вздыхает, на этот раз раздраженно, говорит, что скоро вернется, и уходит из комнаты с пустой миской в руках. Я с тревогой слежу за ним, когда он снова входит в комнату. Вард протягивает ко мне руку, и я машинально отодвигаюсь назад. Всему виной отточенный за эти годы инстинкт самосохранения. Глаза Варда слегка сужаются, а на щеке вздрагивает мышца, но злится он не на меня.

– Я тебя не обижу, Динь. Ты мне веришь?

Отворачиваюсь от него – таков мой ответ. Пусть думает что хочет.

– Слушай, ты ведь наверняка хочешь в туалет. И сама ты не дойдешь, это же очевидно. Поправь меня, если я ошибаюсь, но тебе все равно понадобится моя помощь. Или моя, или моей тетушки, я могу ее позвать. Как сама решишь.

Вот черт, он прав. Мне действительно нужно в туалет. И

тетка Варда тоже права – мне не помешает отдых. Вот только хотелось бы, чтобы меня не заставляли спать здесь, ходить тут в туалет и вообще принимать помощь от Варда. Я была бы рада, если бы мне помогла его тетка, но не хочу больше отнимать у нее ни времени, ни внимания.

Стискиваю зубы и протягиваю к нему дрожащую руку – надеюсь, он понял.

Вард молча переплетает наши пальцы и поднимает меня на ноги. Я спотыкаюсь, он отпускает мою руку и обхватывает за талию, притягивая к себе. Мне хватает сил, чтобы разозлиться на это, но поделаться я ничего не могу. Мне тяжело устоять на ногах, и в итоге я просто валюсь на него.

– Держу! – говорит он. Как будто это не очевидно. – Давай-ка быстренько покончим с этим и вернем тебя в кровать.

«Быстренько» – это сейчас точно не ко мне, но я все равно киваю и позволяю ему отвести меня по коротенькому коридору в ванную комнату.

– Хочешь, чтобы я остался?

Я недоверчиво смотрю ему в глаза. Он серьезен на сто один процент и ни капли не смущен. От одной мысли, что он останется здесь, пока я буду делать свои дела, мои щеки загораются огнем. Я трясусь головой – нет, я хочу остаться одна. Ему хватает наглости коротко усмехнуться.

– Ладно. – Он подводит меня к стене, чтобы я могла опереться. – Постучи, когда закончишь, я помогу тебе дойти обратно. Учти, если тебя долго не будет, я войду и проверю,

как ты тут.

Как только он уходит, я торопливо перебираю руками по стене и спешно подбираюсь к унитазу. Закончив все дела, переползаю к ванне и усаживаюсь на край. Пока мою руки, поднимаю взгляд и подпрыгиваю на месте. Прямо на меня смотрит какая-то девушка. У нее чересчур большие голубые глаза и чересчур спутанные темные волосы. Ее щеки заливают румянец, но она все равно выглядит истощенной и измученной. Под глазами у нее лежат глубокие тени, ярко контрастирующие с бледной кожей. Протягиваю дрожащую руку и касаюсь холодной поверхности зеркала. Поверить не могу, что это и правда я.

Я разглядываю себя и вдруг вижу своих родителей. Их лица вспыхивают у меня перед глазами, а потом все разъедает яркая вспышка.

Я не могу дышать. Просто не могу протолкнуть воздух в слипшееся горло. Я задыхаюсь, когда на меня накатывает осознание того, что случилось, что происходит сейчас и... чего уже никогда не повторится.

– Время вышло, Динь, я вхожу!

Услышав Варда, я отрываю ладонь от зеркала, но все равно не могу заставить себя вдохнуть или хотя бы вспомнить, как это делается. Я вижу в зеркале, как он заходит в комнату и перехватывает мой переполненный ужасом взгляд. Вард тихо ругается, стремительно пересекает комнату, а затем силой отворачивает от зеркала и прижимает к себе.

– Прости, прости меня, я совсем забыл про зеркало.

Вспышка уже не кажется такой яркой, но я вижу темные и светлые всполохи. Вижу их. И себя.

Их и себя, себя и их, их и себя...

– Динь, послушай меня, ладно? Сделай глубокий вдох. Давай вместе, хорошо? Давай, вдох – вы-ыдох. Вот так. Давай, Динь. Слушай, как я дышу. Вдох...

Его строгий, непреклонный тон размывает липкий туман воспоминаний. Я пытаюсь сосредоточиться на его указаниях и отогнать призраки прошлого. С трудом делаю глоточек воздуха.

– Вот так, молодец! – подбадривает меня Вард. – И выдыхаем.

Я делаю, как он велит.

– Умница, Динь. И еще разок. Вдох... и выдох. Опять – вдох... и выдох. Вот так.

Картинка перед глазами начинает проясняться, и я осознаю, что Вард опять прижимает меня к себе, почти удерживает на руках. Прошла уже целая вечность с тех пор, как у меня в последний раз была паническая атака, но такой мощной не было никогда. Представить себе не могу, что бы произошло, если бы...

– Ты отлично справляешься! – Вард обнимает меня еще крепче. – А теперь давай-ка вернемся в постель, хорошо?

Моего согласия он и не ждет, просто обхватывает поудобнее и резко поднимает на руки. Я невольно издаю короткий

удивленный писк, и его руки тут же каменеют. Удивленные глаза встречаются с моими, я тут же сжимаю губы, закусываю щеку и отворачиваюсь. Проходит целая жизнь, прежде чем Вард разворачивается и несет меня обратно в спальню. Там он осторожно укладывает меня на постель, укрывает и подтыкает одеяло. Я опять не могу дышать, хотя теперь дело вовсе не в панической атаке. Это волнение другого рода, из разряда: «Вот-я-дура-о-чем-я-думала-он-хоть-понимает-что-могло-произойти?»

А еще я точно знаю, что он слышал, как я пискнула. И теперь наверняка думает: «Раз она может говорить, то почему молчит?»

В моей голове проносится целая тысяча различных сценариев: вот он садится на край постели, а вот продолжает просто стоять надо мной; или нет, звонит директору Фэлону, а может, сразу Ванику. И в каждом из них Вард задает целую кучу вопросов. Понятия не имею, как мне теперь выкрутиться и не отвечать на них, особенно после того, что он слышал мой голос. Чего уж я точно не ждала, так это того, что он просто потрет шею и расслабленно вздохнет.

А после скажет тихим, теплым голосом:

– Поспи, Динь. Директора сейчас нет на месте, но я связался с ним, и он согласился дать тебе выходной. Отдыхай сколько захочешь. Увидимся утром.

А потом он просто уходит, оставляя меня в полном недоумении. А как же допрос? Почему он меня не допытывает,

ничего не требует? Может, в конце концов он вернется сюда с Ваником. Или охранниками. Или – нет. Я и сама в это не верю. Потому что я видела его глаза, слышала, как он говорил со мной. Сегодня не будет никаких вопросов – ну, кроме разве что тех, которые я видела в его взгляде. По какой-то необъяснимой причине он решил дать мне отдохнуть от них.

Ничего не понимаю. Но я благодарна ему. И попытаюсь выжать максимум из его молчания – по крайней мере, пока это будет возможно.

Мне отведено всего шестнадцать дней. После этого уже не придется переживать насчет каких-то допросов. Вообще никогда. Эта мысль оставляет гадкий привкус у меня во рту, а потом на меня накатывает ужас.

Я никогда не хотела покончить с собой. Да, у меня была причина, по которой я решила закрыться от внешнего мира, но я совсем не хочу умирать. Иногда приходится напоминать себе об этом, особенно поздними ночами, когда я сижу в одиночестве в своей холодной камере. Но сейчас, когда я окружена комфортом и лежу в теплой мягкой постели Варда, легко вспомнить о давнишних мечтах, о будущем, которое я себе рисовала когда-то... о своей прежней жизни.

О том, что я потеряла за считанные секунды.

Былого не вернуть. Я это знаю. И напоминаю себе об этом каждый день.

Сегодня Вард своими глазами видел, как я провалилась в колодец воспоминаний. Он и сам заглянул в него. А потом

вытащил меня и отнес в безопасное место. И не стал задавать вопросов, хотя я видела, что очень хочет. И теперь я не могу избавиться от мысли, что никакой он не тестировщик. Но кто же он тогда? Кто? Что значит для меня? Единственное, в чем я твердо уверена, – сейчас я лежу у него в спальне и никуда не уйду. И можно насладиться всей этой роскошью, пусть всего одну ночь. Потому что завтра я вернусь в свою камеру. И снова воцарится тишина.

Глава 6

Проснувшись, я чувствую себя значительно лучше. Поразительно, что может сделать с человеческим телом удобная кровать и до смешного долгий сон. Даже голова перестала болеть. Я разминаю шею и плечи, и мне так хорошо, что я тут же принимаюсь проверять, как там все остальные мышцы – даже пальцы кажутся мягче обычного. В глубине души я осознаю неизбежное: как только я выберусь из кровати, снова встречу с Вардом. Но прятаться бессмысленно, так что я сбрасываю одеяло и заставляю себя выбраться из постели. Я почти не шатаюсь – это хорошая новость. Но до двери все равно добираюсь не сразу. С каждым шагом моя уверенность крепнет. Когда я добираюсь до коридора, понимаю, что уже вполне готова и к встрече с ним, и ко всему, что последует за ней. Вот только на кухне я сталкиваюсь совсем не с Вардом.

Я резко останавливаюсь. В холодильнике роется какая-то девушка. Может, если я быстро уйду, она меня не заметит? Но тут она оборачивается.

– Ой! – Она испуганно прижимает ладонь к груди. – Я не знала, что ты уже проснулась. Хотела приготовить тебе поесть.

Я сдвигаю брови. Она выглядит слишком молодо, чтобы быть тетушкой Варда.

– Я Ками, сестра Лэндона, – говорит она, делая шаг ко

мне. – Он сказал, что я могу называть тебя Динь, но, как по мне, на Динь ты совсем не похожа. – Она слегка наклоняет голову, и ее золотистые локоны рассыпаются по плечу. – Я знаю, что на самом деле ты не Джейн, но пока что буду называть тебя так. Ты не против?

Почему она меня об этом спрашивает? Я ведь даже не знаю, почему она здесь. И Варда нигде не видно. Может, он поручил ей следить за мной, чтобы я не сбежала? Но я понятия не имею, как добраться отсюда до моей камеры. В любом случае на вид Ками совсем не охранник. У нее ангельская улыбка, а сама она похожа на маленькое солнышко и будто светится изнутри всеми цветами, которых лишен «Ленгард».

– Надеюсь, ты любишь блинчики. – Ками жестом манит меня к себе и возвращается к холодильнику. – Я мало что умею готовить, но блинчики у меня получаются – отпад!

Она достает молоко, яйца, масло и целую банку клубники, водружает все это на стол и лезет в кухонный шкаф за мукой, сиропом, экстрактом ванили и... неужели это шоколадные хлопья? Я миллион лет не ела шоколад.

– Ты бы видела свое лицо! – смеется Ками. – Вот, держи. – Она протягивает мне пакет с хлопьями – Попробуй.

Я стою в нерешительности, а она подначивает:

– Давай. Судя по тому, что я слышала, тебя здесь не очень-то баловали. Надо бы наверстать.

Без каких-либо дальнейших уговоров я разрываю пакет, вынимаю целую пригоршню шоколадных чипсов, запихиваю

их в рот и закрываю глаза, наслаждаясь насыщенным вкусом. Ками хихикает. Я знаю, что выгляжу глупо, но ничего не могу с этим поделать. Шоколад не зря считают лучшим другом любой девушки. С ним ничто не сравнится. Я беру еще горсточку и заставляю себя положить упаковку на стол.

Ками вручает мне миску.

– Взбей, пожалуйста, смесь, пока она не станет легкой и воздушной.

В последний раз я готовила еще в детстве, но хорошо, что для меня нашлось задание. Теперь не придется неловко топтаться на месте и не знать, куда себя деть. Или думать о том, как бы мне удрать, пока Вард не вернулся. Кроме того, это значит, что Ками мне доверяет и не будет за мной следить. А то от этой мысли у меня прямо мурашки по коже бегут. Я не хочу ее разочаровать. Мне почему-то не наплевать на то, что она обо мне подумает. Давно забытое чувство.

Мысли путаются. Попытаюсь сосредоточиться на своем задании. Ками порхает по маленькой кухне, включает плиту и плавит масло в кастрюльке. Не уверена, что значит «легкая и воздушная», но, когда мне кажется, что я достаточно взбила смесь, показываю ей миску. Глаза Ками довольно поблескивают. Они тоже зеленые, как и у Варда, но их оттенок куда темнее и богаче. И в нем меньше... опыта.

– В самый раз! – Она забирает у меня миску, насыпает туда хлопья и подходит к плите. Пока она печет блинчики, я нарезаю клубнику. Заканчиваю как раз к первой партии. Мы

достаем тарелки, столовые приборы, карамель и расставляем все это на столе.

– Попробуй-ка, – говорит Ками и выкладывает на мою тарелку идеально круглые золотистые блинчики, а потом поливает их карамелью и посыпает клубникой.

Зубы наверняка заболят, но оно того стоит.

– Налетай! – приглашает Ками.

Один кусочек – и я понимаю, что моя жизнь уже никогда не будет прежней. И не потому, что это просто потрясающе, невероятно вкусный блинчик. А потому, что я по неосторожности застонала...

Как раз тогда, когда вошел Вард.

Он стоит столбом и изумленно смотрит на меня. Ну вот, теперь он точно понял, что вчерашний писк ему не померещился.

Блинчик тает у меня во рту.

Ками хихикает:

– Кажется, ей нравится моя стряпня, да, Лэндон?

Мы с Вардом не отрываем друг от друга взгляд.

– Судя по звукам – да.

– Присаживайся, братишка. Эта партия удалась. А еще Джейн мне помогала, так что не забудь и ее похвалить.

Вард медленно подходит к нам и опускается на стул. Ками передает ему тарелку, и он наконец переводит взгляд. В этот момент дверь на кухню снова открывается.

– Надеюсь, мне оставили? – Энцо плюхается на соседний

стул с таким видом, как будто мы уже тысячу лет завтракаем вместе.

Ками выкладывает блинчиковую гору на его тарелку и, пританцовывая, отправляется готовить новую партию. Я остаюсь за столом. Напротив меня – Вард, рядом – Энцо. Тишина давит на меня. Но в конце концов Энцо решает ее нарушить:

– Вот так наряд, Джей Ди! – говорит он, уплетая блины. – Тебе очень идет.

– Энц, – одергивает его Вард.

– Чего? Правда же идет. Почаще носи его вещички, вот о чем я.

Я испытываю настоящее облегчение, когда в комнату возвращается Ками с очередной тарелкой горячих блинов. Она кладет верхний на мою тарелку, а остальные ставит посередине стола. Вард и Энцо едят с такой скоростью, что мне почти больно на них смотреть. Я перехватываю веселый взгляд Ками и чувствую, что губы норовят изогнуться в улыбке. Эта улыбка – наша с ней маленькая тайна.

Но тут я вижу, что Вард наблюдает за мной.

– Никогда не видел, чтобы ты улыбалась, – говорит Энцо. На меня будто вылили ведро холодной воды.

– Ни разу за два с половиной года. Что ж, ожидание того стоило.

Я со звоном роняю вилку на тарелку и резко отодвигаю ее от себя, потому что ментально теряю аппетит. Может,

Энцо именно этого и добивался? Вряд ли ему нравится, что я ем такую калорийную пищу.

Никто не произносит ни звука. А затем...

– Я же просил тебя не приходить сегодня, Энц, – говорит Вард.

А затем пододвигает мою тарелку к себе и преспокойно начинает доедать за мной. Я стараюсь никак не реагировать, хотя такое панибратство меня просто поражает.

– И отказаться от блинчиков Ками? – спрашивает Энцо с набитым ртом. – К тому же тут еще и Джей Ди. С ней просто обхохочешься, правда? Такая болтушка!

Ками фыркает, бросив взгляд на мое каменное лицо. Энцо усмехается, и даже Вард приподнимает уголки губ.

– Ты прав, Энц, – говорит Ками. – Мы тоже рады, что Джейн сегодня здесь, с нами.

– «Джейн», значит? – повторяет Энцо. – Не «Джей Ди»? – Он бросает взгляд на Варда. – Пусть это и не настоящее ее имя, но получше, чем «Динь».

Я не буду смотреть на Варда. Не буду. Не... черт возьми, нет, все-таки смотрю. И, что хуже всего, он тоже смотрит на меня. Это прозвище – наш общий секрет, и, несмотря ни на что, оно мне нравится.

Мне неожиданно очень хочется сбежать. Эти ребята – слишком нормальные для меня. Слишком настоящие. Яркие и... цветные. Я привыкла быть блеклой и максимально незаметной. Привыкла к форме-наволочке, регулированно-

му питанию и неизменному ежедневному режиму. А все это не по мне. Мягкие кровати, теплая одежда, горячий суп, зеркала, шоколадные хлопья и смеющиеся ангелочки вроде Ками. Это не моя жизнь. Такой жизни у меня никогда больше не будет.

Мне тепло, даже слишком тепло, поэтому я закатываю рукава толстовки Варда до локтей. Пытаюсь придумать, как мне сбежать обратно в свою тихую, спокойную и бесцветную камеру, и вдруг Ками громко ахает, хватая меня за руку и вытягивает ее над столом, чтобы увидели все.

– Это еще что?!

Я опускаю взгляд и вижу, что у меня все запястья в синяках. И прежде чем я успеваю хоть что-то сделать, Вард и Энцо дружно наклоняются вперед, чтобы получше рассмотреть.

– Наручники, конечно, штука неудобная, но синяков от них не остается, – говорит Энцо.

Ну, положим, это не так, но сейчас Энцо прав.

– Вчера их не было, – натянуто говорит Вард. А затем поворачивается к Энцо: – Я прав?

Энцо мотает головой.

– Нет, не было. Что бы там ни случилось, произошло это уже после нашей тренировки.

И тут до них обоих доходит. Энцо цедит сквозь зубы:

– Ваник.

– Ваник? – ошарашенно повторяет Ками. – Вы не говори-

ли, что с ней работает Ваник!

– Нам нельзя выкладывать тебе все, ты же знаешь, – мягко говорит Вард. – Здесь... существуют определенные правила, Ками. Они распространяются даже на меня.

– Мы знаем, как ты к нему относишься, Кэм, – вставляет Энцо точно таким же тоном. – И у тебя, как и у Варда, есть полное на это право.

Как и у Варда? Во мне просыпается любопытство, но Энцо замолкает.

Ками не выпускает мои руки.

– Да ты понятия не имеешь о том, как я к нему отношусь! – восклицает она.

– Он тебе не нравится, мы поняли, – говорит Энцо.

– «Не нравится»?! – Ками издает такой смешок, что у меня мурашки бегут по коже. – Нет, Энцо, не так. Я его *ненавижу*. Хоть бы он сдох!

Четыре слова – и все вокруг замирает. Эти слова снова и снова звучат у меня в голове.

Хоть бы он сдох.

Хоть бы *он* сдох.

– Джейн?

Ненавижу тебя. Вас обоих. Хоть бы вы сдохли.

– Динь?

Я с вами больше не разговариваю.

– Джей Ди, все путем?

Для меня вы умерли.

Я слышу оглушительный вопль, и тут кто-то начинает трясти меня за плечи. Я прихожу в себя, жадно глотаю воздух и понимаю, что меня бьет дрожь.

– Ты чего, Джей Ди?

Энцо встряхивает меня еще раз, хотя на этот раз не так сильно. Ками и Вард вскочили с мест и с тревогой вглядываются мне в лицо. Я быстро отворачиваюсь и встречаюсь глазами с Энцо – он внимательно смотрит на меня, словно пытается понять, в себе ли я.

Я вскакиваю со стула. Спотыкаясь, отступаю на несколько шагов – ноги слушаются плохо. А затем я просто срываюсь с места и, не оглядываясь, выбегаю в коридор. Добегаю до ванной комнаты, с грохотом захлопываю за собой дверь и обеими руками хватаюсь за раковину. Отчаянно пытаюсь вспомнить интонацию и голос Варда. Вот что мне нужно...

Вдох... и выдох. Вдох... и выдох. Вот так.

Я долго-долго стою, уставившись на свои руки, и стараюсь восстановить дыхание. В конце концов успокаиваюсь, поднимаю голову и встречаюсь взглядом со своим отражением. Кожа у меня бледная до голубизны. Зрачки огромные, губы дрожат. Мышцы натянуты, как струны. Нет, больше не могу смотреть. Чем дольше смотрю, тем яснее вижу их.

Я как можно дальше отступаю от зеркала, забиваюсь в самый дальний угол ванной комнаты, сползаю вниз по стене и сжимаюсь в комочек.

Ками осторожно приоткрывает дверь и заглядывает

внутри.

– Джейн?

Сажу с закрытыми глазами, обхватив колени руками. Я в безопасности.

Я чувствую, что Ками колеблется. Но затем она все-таки подходит ближе и усаживается рядом. Обнимает меня за плечи. Я вздрагиваю и пытаюсь отодвинуться, но хватка у нее неожиданно крепкая.

– Все хорошо, – шепчет она. – Все будет хорошо.

Она ошибается. «Хорошо» не будет. Я *точно* знаю. Но ее тон почему-то успокаивает меня.

Меня уже много лет никто не обнимал, если не считать Варда. Да, мы сидим на холодном, твердом полу, а я тону в жутких воспоминаниях, но в объятиях Ками я чувствую себя в безопасности, и неважно, что это иллюзия. Ками и не подозревает, как сильно мне нужно было тепло. И я тоже.

Она напевает себе под нос и перебирает мои волосы. Мое сердце затихает и перестает выпрыгивать из груди, дыхание выравнивается, дрожь утихает, и даже мысли почти приходят в норму. Не знаю, долго ли мы так сидим, но в конце концов Ками замолкает и спрашивает:

– Лучше?

Я киваю, не поднимая головы.

– Как думаешь, ты готова вернуться?

На этот раз я не отвечаю, потому что после своего позорного бегства боюсь смотреть в глаза Варду и Энцо.

– Мальчики уже ушли. – Ками словно читает мои мысли. – У тебя, может, и выходной, но у них нет. Остались только мы с тобой.

Видимо, она поняла, что я уже не так напряжена, потому что выпускает меня, поднимается на ноги и протягивает мне руку. Я заглядываю в ее чистое, открытое, переполненное заботой лицо и принимаю решение. Я не понимаю ее брата и не доверяю ему, потому что не знаю его мотивов, но Ками – не одна из моих тестируемых. Она вообще не должна хорошо ко мне относиться, и тем не менее она мила со мной. Даже если это лишь часть плана Варда, я все равно ей верю. У меня просто нет сил не верить. Поэтому я без лишних раздумий беру ее за руку. Она поднимает меня на ноги и выводит из ванной.

Глава 7

Мне уже очень давно не было так хорошо ни на воле, ни тем более в «Ленгарде».

Ками не оставляет меня ни на секунду. Может, это Вард ее попросил, а может, ей больше заняться нечем, но в любом случае я совсем не против ее компании. Она очень разговорчивая и активная. Вокруг нее пульсирует невидимая энергия, которая не только не утомляет, но и наполняет новыми силами. Я уже много лет так часто не улыбалась. И, в отличие от Варда или Энцо, ее не удивляет моя улыбка.

Я не знаю, который час, но, видимо, день почти подошел к концу. Мы с Ками поздно пообедали, и она снова попросила меня помочь на кухне, пусть в этот раз мы готовили всего лишь сэндвичи. Они показались мне просто идеальными, потому что я совсем от них отвыкла. Мне снова и снова напоминают о том, какими чудесными могут быть привычные вещи. После обеда мы расположились на диване в комнате Варда и не сползали с него ни на минуту, в основном потому, что Ками притащила целую кучу фильмов, и мы смотрели их один за другим на большой плазме несколько часов кряду. Я давно не смотрела кино, так что наслаждалась каждой секундой захватывающего действия. Особенно если учесть, что Ками приготовила целое ведро масляного попкорна, – уверена, из-за него Энцо заставит меня попыхтеть на тренировках.

Мы досматриваем уже третий фильм, по экрану бегут титры, и тут дверь в комнату открывается. С Ками я совершенно расслабилась – лежу, поджав под себя ноги и положив голову на подушку у подлокотника. Но когда в комнату входит Вард с большим бумажным пакетом в руках, я машинально подсакиваю и сажусь прямо.

– Привет, Лэндо! – говорит Ками. Ее голова покоится у меня на коленях. И она упрямо не желает встать, даже когда я многозначительно приподнимаю ногу.

Вард неподвижно стоит в дверном проеме и смотрит на нас с подозрением. И я его не виню. Он ведь раньше не видел меня в такой непринужденной обстановке.

Вард откашливается:

– Тетушка Эстер приглашает нас на ужин. – Его взгляд снова перебегает на меня. – Она хочет убедиться, что ты в порядке, Динь.

Он подходит ближе и вручает мне пакет.

– Это тебе.

Ками наконец поднимается, садится и, как только я открыла пакет, моментально засовывает туда нос.

– О-о-о, весьма миленько! – одобряюще говорит она, достает из пакета какую-то одежду и прикладывает ее к моему оцепеневшему телу. – Хороший выбор, Лэндон. Это ее цвет. Но где ты его достал? Если ты сегодня выбирался наверх, то мог бы и нас с собой взять, особенно на шоппинг!

Вард пропускает ее слова мимо ушей.

– Эстер ждет нас к десяти, так что начинайте собираться. С Энцо встретимся на месте.

Кажется, последняя фраза – это предупреждение. Только вот я уже и так в панике, в основном из-за платья. Мне даже не нужно надевать его: и без того ясно, что я уже много лет не носила ничего красивее.

Я закрываюсь в ванной, натягиваю платье, смотрю в зеркало... и вижу в нем совершенно незнакомого человека.

– Джейн, ты готова? – Ками сначала легонько стучит в дверь, а затем заглядывает внутрь и присвистывает: – Ты только посмотри на себя!

Смотрю. И не могу оторвать от себя взгляда. Мне невероятно идет это легкое платье, и как бы я ни всматривалась в свое отражение, я совсем не вижу *их*. Не понимаю, огорчает ли это меня или наоборот.

– Так, давай-ка сделаем тебе прическу.

Замираю и наблюдаю за тем, как Ками собирает мои растрепанные локоны в небрежный пучок.

– Отлично!

Она улыбается мне в зеркало, а затем хватается за руку и тянет обратно в комнату.

– Нам пора!

По пути в гостиную Варда я разглядываю свои ноги и раздумываю над тем, стоит ли мне снять шерстяные носки. Затем Ками стискивает мою руку, я поднимаю на нее вопросительный взгляд и замечаю выражение лица Варда. Мои щеки

снова вспыхивают. Как бы мне хотелось, чтобы они перестали так пялиться! Это ведь не я решила надеть такое красивое платье. Я просто ненавижу свою форму-наволочку, но с радостью проносила бы ее еще тысячу лет, лишь бы не чувствовать себя так неудобно.

– Разве нам не пора? – нарушает затянувшуюся паузу Ками. Спасибо ей за это.

Вард качает головой, словно пытается вытряхнуть из нее все лишнее.

– Да. Действительно пора.

Он без лишних слов устремляется к выходу, и Ками с улыбочкой следует за ним. У двери она оборачивается и протягивает мне пару шлепанцев, чтобы я надела их вместо носков. Они мне как раз.

– Мне показалось, что у нас с тобой один размер, – говорит Ками, кивая на мои ноги. – Я бы подарила их тебе, но, согласно нашим дурацким правилам, тебе нельзя носить обувь, пока тебя не впишут в программу. Понимаешь, да?

То, что она упоминает эту загадочную «программу», разжигает мой интерес даже больше, чем местные правила по ношению обуви. Вот бы узнать у нее какие-нибудь подробности... Но тут Вард зовет нас с дальнего конца коридора, и возможность ускользает.

– Вы идете или нет?

– А он сегодня какой-то... напряженный, – тихонько хихикает Ками и ведет меня за собой. – И мне это нравится. С

тобой не соскучишься, Джейн.

Не уверена, что мне когда-либо говорили подобное. Даже тогда, когда я старалась нравиться людям. Я пытаюсь сориентироваться на ходу, но на самом деле понятия не имею, в какой части этого учреждения мы находимся. Двери слева и справа все одинаковые, а бесконечные белоснежные стены, тянущиеся во все стороны, тоже ни капли не проясняют ситуацию.

Я озадаченно хмурюсь, когда мы останавливаемся у одной из дверей, потому что это место отчего-то кажется мне знакомым. Но вспомнить, с чем это связано, я не успеваю, потому что Вард поднимает руку и стучит, а затем открывает дверь и приглашает нас внутрь. Ками все еще держит меня за руку, так что, когда она входит вслед за братом, я следую за ней.

И замираю на пороге.

– Мам! Они пришли!

Ками выпускает мою руку и кидается обнимать двух златовласых мальчишек, которые выбегают ей навстречу.

Она стискивает их так крепко, что дети с хохотом умоляют ее отпустить их.

Воздух прорезает высокий, радостный визг, а за ним следует:

– Лэнди, Лэнди! Мамочка, Лэнди пришел!

Я во все глаза наблюдаю за тем, как Вард опускается на колени, и в этот же миг в его объятия влетает маленькое куд-

рявое облачко.

– Милашка Эбигейл, ты, как всегда, великолепна!

Он берет девочку на руки, и та обвивает его ножками. Вард подбрасывает малышку, и она восторженно пищит:

– Еще, еще!

– Все что угодно для моей любимицы! – говорит он, сияя почти такой же яркой улыбкой, что и она.

У меня невольно отвисает челюсть. Он – мой тестировщик. Мой тестировщик. Тестировщик. А я все равно не могу отвести от них взгляда. А потом...

– Эй! Я тебя знаю!

Я оборачиваюсь к мальчику, который это сказал. Он немного старше тех двоих.

– Итан, это Джейн, – говорит Ками, сжимая его плечо. – Джейн, познакомься, это Итан и Айзек.

Старший, Итан, окидывает меня серьезным взглядом, Айзек расплывается в улыбке и легонько взмахивает ручкой.

– Я – Эбби! – выкрикивает девочка, сидящая у Варда на руках, а потом сползает на пол и бежит ко мне.

У меня не остается другого выхода, кроме как подхватить ее на руки. Я машинально прижимаю ее к себе, и она безо всяких колебаний обнимает меня за шею.

– У нас с тобой одинаковые волосы! Смотри! – Она вытягивает длинную прядь из моего пушистого пучка и прикладывает к своей голове. – Мы близняшки!

Я не могу сдержать улыбку. Она просто очаровашка. Ну

и конечно, именно в этот момент в комнату входит Энцо в компании светловолосой женщины, с которой я уже сталкивалась раньше. В тот раз меня сопровождали охранники, но сейчас она смотрит на меня без капли страха, пусть и с некоторой опаской.

– Черт подери, и опять она улыбается! – усмехается Энцо и скрещивает руки на груди. – Кто ты, на хрен, такая и что ты сделала с Джей Ди?

Трудно, точнее, просто невозможно перестать улыбаться. Как сдержаться, когда малышка Эбби сплетает наши волосы вместе? Получается один огромный клубок из волос, но ее это не останавливает.

– Энцо! Выбирай выражения, – одергивает его блондинка. И тут я понимаю, что это, должно быть, и есть Эстер. Энцо подмигивает мне.

– Прости, Эс. Виноват.

– Нам нельзя говорить слова на «х», – сообщает мне Эбби, перебирая маленькими пальчиками мои волосы. – И на «ч».

– На прошлой неделе Итан сказал папе слово на «ч», и его посадили в угол на целых десять минут! – говорит Айзек, робко подступая ко мне.

Он осторожно дергает меня за подол платья, и я опускаюсь на корточки, умудряясь сохранить баланс даже с крошкой Эбби на руках. Малыш наклоняется ко мне так, словно хочет поведать какой-то большой секрет, и шепчет:

– Ты очень красивая.

Три слова, и этот малыш совершил невозможное – заставил меня рассмеяться. Не знаю, кого это шокировало больше, – меня саму или окружающих. Одно дело – улыбка, но смех... это неслыханно! По многим причинам.

Энцо таращится на меня во все глаза. Вард тоже смотрит в мою сторону, склонив голову набок, а на щеке у него вновь появилась ямочка. Ками, кажется, готова разреветься от радости. Эстер все еще выглядит слегка встревоженной, но смотрит на меня намного теплее. Единственные люди в этой комнате, которые не осознают всю значимость случившегося, – это трое малышей. Их интересует лишь один вопрос: когда будут готовы вкусняшки?

Эстер кашляет и велит детям бежать мыть руки. Я отпускаю Эбби, и она убегает вслед за братьями.

– Меня зовут Эстер, я – тетя Лэндона и Ками, – наконец говорит хозяйка и протягивает мне руку.

Я колеблюсь всего секунду, а затем пожимаю ее.

– Сегодня ты выглядишь намного лучше. Похоже, тебе давно нужен был выходной. – Она поворачивается к Варду: – У вас все хорошо?

Он бросает на меня взгляд. Интересно, скажет ли он о моей панической атаке? Но нет, Вард переводит взгляд на тетюшку и качает головой:

– Все отлично. Только осмотри ее руки, пожалуйста.

Я уже и забыла о синяках, которые на мне оставили ремни Ваника. И не сопротивляюсь, когда Эстер мягко приподни-

мает мои руки и осматривает запястья с обеих сторон.

– Вчера я этого не видела. Синяки не сразу появляются. – Она мрачнеет, а затем поднимает на меня вопросительный взгляд.

Энцо произносит всего одно слово:

– Ваник.

Дымчатые глаза Эстер темнеют.

– Я поищу что-нибудь в аптечке. Мы скоро вернемся.

Я бросаю на Ками умоляющий взгляд, но та лишь ободряюще улыбается и машет мне.

– Не беспокойся, много времени это не займет, – говорит Эстер, открывая дверь в ванную комнату.

Она намного больше, чем та, что в квартире Варда. Эстер усаживает меня на край ванны, в которой валяются разноцветные игрушки, просит немного подождать и начинает рыться в шкафчике. Затем она поворачивается ко мне с каким-то тюбиком, опускается передо мной на колени и начинает осторожно смазывать лекарством мои запястья.

– Мы уже виделись. Тебя вели по коридору охранники, – говорит она. – Я сразу поняла, кто ты такая, как только увидела.

Раз она – глава медицинского департамента, то ее наверняка проинформировали о том, насколько я опасна, и уже успели внушить ей страх по отношению ко мне. Я напрягаюсь, как перед ударом.

– И я хочу, чтобы ты поняла: я бы ни за что не пустила

тебя на порог своего дома, если бы думала, что ты можешь причинить нам вред.

Я вздрагиваю от изумления. Почти незаметно, но она все равно видит и одобряюще улыбается.

– Тогда у меня были причины испугаться, – продолжает она. – И даже когда Лэндон позвонил мне и попросил помочь тебе... Признаюсь честно, я хотела отказаться.

Эстер рисует пальцами успокаивающие круги у меня на запястьях, и синяки бледнеют прямо на глазах. Вот это да! Никогда еще не видела такого быстрого эффекта.

– Я стала врачом несколько лет назад. До этого жила в жуткой нужде, и рядом не было никого, кто мог бы помочь, – говорит она. – Мы с малышом Итаном едва не погибли, но нам удалось выжить. И я поклялась, что никогда не допущу, чтобы люди страдали, если в моих силах как-то им помочь.

Наши глаза встречаются.

– Так что я рада, что Лэндон позвонил мне прошлой ночью. Не только потому, что я помогла тебе. Просто... когда я наблюдала за тобой сегодня, видела, как ты общаешься с детьми...

Она делает паузу и улыбается. Ее слова текут по моим венам, как жидкий солнечный свет. Но когда они достигают сердца, тепло сменяется холодом, таким глубоким и страшным, что на меня накатывает дрожь. Я ведь не заслуживаю нежности и признания ни с ее стороны, ни стороны ее детей. Я не заслуживаю заботы Ками, Варда или Энцо. Я ведь могу

причинить им боль. Им всем. Я допустила промашку там, в комнате. И это – огромное счастье, что я всего лишь рассмеялась. Но если я дам слабину, то катастрофа неминуема. Я не могу позволить еще одну оплошность, как тогда...

– Признаюсь честно, я не знаю, как мне тебя называть.

Задумчивый голос Эстер вклинивается в мои тревожные мысли.

– Всем известно, что Джейн Доу – это не твое настоящее имя. И Динь тебя называет только один человек. – Ее глаза мягко светятся, прямо как две луны в окружении звезд. – Так что нам ничего не остается, кроме как называть тебя Джейн. Пока не подберем что-нибудь получше. Будь осторожна, а то такими темпами у тебя может случиться раздвоение личности.

Она шутит, но я с ней совершенно согласна.

– Так, мы закончили. – Эстер закручивает крышку и ставит тубик на место.

Синяки почти полностью пропали. Что же это за чудесная мазь? От Эстер не укрывается мое удивление.

– Это секретный рецепт, – говорит она. – Он идеально подходит для лечения маленьких ссадин, и поверь мне, это очень полезно, когда в доме трое маленьких детей.

Жаль, что работает мазь только на мелких ссадинах. Думаю, во всем мире не найдется лекарства, которое смогло бы исцелить всю ту боль, которую причинил мне Ваник.

– Ты любишь лазанью? – спрашивает Эстер по пути в ком-

нату. – Я знаю, у тебя довольно скромный рацион, но, думаю, вреда от небольшой перемены не будет.

Лазанья? У меня уже слюнки текут. Раньше мне очень нравилась итальянская кухня. Когда я была маленькой, мы ели итальянскую еду каждую пятницу. Пицца, паста, чесночный хлеб, даже джелато³ на десерт. Обычно папа готовил, а я...

Нет.

Стоп.

Стопстопстопстоп.

– Джейн? Все хорошо?

Я так напряженно пялилась на собственные ступни, стараясь отогнать воспоминания подальше, что даже не заметила, как Эстер привела меня обратно в столовую. Вопрос Камми снова выдернул меня под софиты всеобщего внимания.

– У тебя животик болит? – Эбби хватает меня за руку, переплетая наши пальцы, и тянет за собой к столу.

Я сажусь, и она тут же взбирается ко мне на колени.

– Когда у меня болит, мама поет мне песенку. Хочешь, мы тебе тоже споем?

– Эбби, милая, давай не будем сильно доставать Динь, – говорит Вард. Он пристально наблюдает за нами и ловит каждое движение.

³ Джелато, или желато (итал. gelato, от лат. gelātus – замороженный), – популярный итальянский замороженный десерт из свежего коровьего молока, сливок и сахара с добавлением ягод, орехов, шоколада и свежих фруктов.

Эбби хмурится и становится от этого еще более миленькой.

– Динь? Кто такая Динь?

– Так он называет Джейн, – говорит ей Ками.

Малышка морщит нос:

– Глупое имя!

– В десятку, – ворчит Энцо.

Я слушаю их и чувствую, как тугой узел у меня в груди потихоньку развязывается и воспоминания волнами отступают назад. Я с благодарностью обнимаю Эбби.

– Животик прошел? (А она очень наблюдательна.) Но мы ведь не успели тебе спеть. Мы тебя достали?

– Все в порядке, малышка. Ну-ка иди сюда!

Вард неожиданно выхватывает девочку прямо у меня из рук и начинает ее щекотать. Эбби заливается хохотом. Он усаживает ее в детское кресло, стоящее на взрослом стуле. Итан и Айзек садятся по бокам, напротив Энцо и Ками. Вард опять окидывает меня долгим вопросительным взглядом, как будто хочет поинтересоваться, в порядке ли я. В ответ я слегка приподнимаю подбородок. Его взгляд теплеет – вот черт, я опять инстинктивно отзываюсь на это тепло, – и он уходит на кухню. А уже через несколько секунд они с Эстер возвращаются с потрясающей едой.

Когда первый кусочек лазаньи оказывается у меня во рту, я с трудом сдерживаю стон. Но второй раз я такой промашки себе не позволю. Вместо этого я просто торопливо поглощаю

ужин, заедая его превосходно запеченными овощами.

Так много чудесных вкусов и умопомрачительных ароматов... Очередное напоминание о том, что реальный, настоящий мир не делится на палитру из скучных, серых оттенков. После всего того, что я испытала сегодня, как я смогу вернуться к прежней монотонной жизни? Я ведь была так... ну, не счастлива, положим, но мне все это нравилось.

– Как твое продвижение по программе, Ками? – спрашивает Эстер, и во мне вновь загорается любопытство.

Ками болтала о том и о сем целый день, но так и не сказала ничего по существу. А я до сих пор не имею ни малейшего понятия, чем она занимается целыми днями. О «программе» она упомянула только перед самым уходом к Эстер.

– О, ты знаешь, все очень даже ничего! – говорит Ками, взмахивая в воздухе вилкой. На долю секунды она смотрит на меня, а потом снова переводит взгляд на тетку.

– Как ваши тренировки, ребята? Вы делаете успехи? – спрашивает Эстер.

Я стараюсь не хмуриться. Ничего не понимаю. Ками тоже тренируется с Энцо? Мне нужно больше подробностей. Почему они не могут перестать так... осторожничать? Глаза Ками снова обращаются ко мне. По какой-то непостижимой причине она начинает нервничать.

– Я продвигаюсь довольно медленно. – Она явно уходит от ответа. – Но в то же время кое-какие... успехи видно.

– Ты теперь не думаешь, что Джейн...

Вард кашляет, и Эстер бросает на него озадаченный взгляд. Сжимает губы и снова опускает взгляд в тарелку.

– Надо в следующий раз больше чеснока добавить, – говорит она. – Будет острее.

Не знаю, чего мне хочется больше: опять рассмеяться или окончательно расстроиться? Или, быть может, швырнуть в Варда остатками своей лазаньи?

Вместо всего этого я втыкаю вилку в запеченную картошку и подношу ко рту, но откусить и дожевать мне не судьба. Раздается шорох, и дверь в квартиру открывается. А затем в столовую заходит человек. Очень знакомый человек. В комнате повисает тишина.

Я в шоке пялюсь на вошедшего к нам директора Фэлона. Его взгляд обегает стол и останавливается на мне. У меня полное ощущение, что в эту минуту остановилась и вся планета. А затем развернулась и завертелась в обратную сторону сразу после того, как комнату огласил счастливый детский крик:

– Папочка!

Эбби спрыгивает со своего креслица и бросается через всю комнату напрямик в объятия директора Фэлона. Итан и Айзек срываются следом за ней, Эстер встает и идет за ними.

– Рик, милый, я думала, ты не вернешься до конца недели?

– Планы изменились, – отвечает Фэлон глубоким, мрачным голосом, а затем наклоняется и целует Эстер в щеку.

Треплет Айзека по волосам, коротко пожимает плечо Итана и поднимает Эбби на руки.

Между тем я стараюсь ровно дышать, чтобы не выблевать лазанью Эстер прямо на эту прекрасную скатерть.

Фэлон – отец Эбби, Итана и Айзека. Он муж Эстер. А знает...

– Привет, дядя Рик, – нервно говорит Ками. Когда она бросает на меня робкий взгляд, мне становится совершенно ясно, чего она боится. Но я в этот момент смотрю не на нее, а на Варда.

Варда, моего тестировщика.

Племянника директора Фэлона.

Глава 8

– Ну что, Лэндон? Я вижу, вы с Джейн достигли кое-каких успехов?

Эти слова плавно стекают с губ Фэлона. Как бы сделать так, чтобы вилка не дрожала у меня в руке. Не знаю, что он имеет в виду, если только не подразумевает под «успехами» обморок, ночь в постели Варда и то, что я целый день просто валялась на диване.

– Вы занимаетесь уже две недели, – продолжает он, прожевав и проглотив порцию лазаньи. Не знаю, к кому конкретно он обращается в этот момент – к нему, ко мне или к нам обоим. – Кроме того, что я вижу сам, вам есть чем меня порадовать?

Понятия не имею, зачем он поднял эту тему за семейным ужином, особенно если учесть, что он пытается подвести некие итоги. Возможно, итоги моей жизни. Слава богу, здесь, кроме нас, присутствуют еще его жена и дети.

– Ты читал мои отчеты? – спрашивает Вард. (Его дядя кивает.) – Тогда ты уже знаешь все, о чем я мог бы тебе рассказать.

Мне трудно поверить, что Варду было о чем написать про меня в своих отчетах. Все, что мы делали, – просто сидели и читали. Реакция Фэлона почти незаметна, но я все равно увидела, как черты его лица стали чуточку жестче. Его

взгляд рассеянно обегает стол, а затем он спрашивает у присутствующих:

– Кстати, может, кто-нибудь объяснит мне, что Джейн делает за нашим столом? – Его глаза так и впиваются в меня. – Не пойми меня неправильно, Джейн. Я рад, что ты сегодня с нами. Просто... удивлен.

Я сдвигаю брови. Как это ни странно, звучит вполне искренне.

– Ты же сказал Лэндону, что можно дать ей выходной, – вставляет Ками. – Когда тетя Эстер пригласила нас на ужин, мы решили взять Джейн с собой.

Фэлон скептически поджимает губы. Я его понимаю.

– Что же, в любом случае всегда приятно встретить за ужином нового интересного собеседника.

Энцо фыркает в стакан и тут же кашляет, подавившись водой.

– Глупый папуля, – хихикает Эбби. – Джейн не может говорить. Лэнди нам сказал. Нам не разрешили ее спрашивать, потому что она не сможет ответить. А мы не хотим, чтобы ей было некомфортно.

– Некомфортно, Эбби, – тихо поправляет ее Эстер.

Малышка повторяет это слово, но у меня такое чувство, что сидит она не за этим же столом, а где-то далеко-далеко. Мои мысли вертятся вокруг того, что она только что сказала.

Вард не хотел, чтобы мне задавали вопросы? Боится, что мне будет неудобно? Зачем ему это? Какое ему дело? Я под-

нимаю взгляд – он наблюдает за мной. Как бы мне хотелось остановить время и разгадать все, что таится в его глазах.

– Почему Джейн не может говорить? – спрашивает Итан. – Лэнди, ты не рассказывал.

– Итан...

– Мне и самому хотелось бы знать. – Директор прерывает жену и откидывается на спинку стула. Его рот трогает кривая и совершенно фальшивая улыбка.

– Мне нравится, что Джейн не разговаривает, – встречает Эбби. Она никак не может усидеть в своем креслице. – Она похожа на куклу. Они с Принцессой Искоркой стали бы лучшими друзьями, я это точно знаю.

Никто не знает, что на это ответить, но вмешательство Эбби не дает им вернуться к прежней теме. Вместо этого над столом постепенно воцаряется обычный семейный разговор. Итан и Айзек рассказывают отцу о последней видеоигре, в которую играли, Эстер и Вард тихо обсуждают ближайшую поездку по магазинам, Ками и Энцо ведут бой за последний кусок лазаньи, а Эбби размазывает еду по тарелке.

Удивительно, в какой нормальной и обычной обстановке я оказалась. Я давно не ощущала ничего подобного. Воспоминания опять пытаются затопить мне голову, и мне физически больно от этого. Надо держаться за настоящее и просто наслаждаться моментом.

– Уже поздно, – говорит Фэлон, как только со стола исчезают последние крошки.

Я понимаю, что это значит, и поднимаюсь из-за стола, а вместе со мной – Ками, Энцо и Вард. Директор Фэлон – живое напоминание о том, что мое время подходит к концу, но мне все равно ужасно не хочется уходить. Сегодня во мне что-то изменилось. Мне напомнили о том, что было у меня когда-то давно и что мне предстоит потерять. Вновь.

Но я *не готова*.

Пока еще нет.

Но...

Пятнадцать дней.

Это все, что у меня осталось.

И мне нельзя об этом забывать.

Я себе этого *не позволю*.

– Папочка, а можно я почитаю Джейн перед сном? – Нижняя губка Эбби вздрагивает. – Пожалуйста, я уже хорошо читаю!

– Я знаю, милая, – говорит Фэлон с неподдельной любовью в голосе. – Но лучше в другой раз.

Ее глаза наполняются слезами.

– Ну пожалуйста? Мы недолго. О-обещаю!

Похоже, именно это милое заикание и перевесило чашу весов в ее пользу, потому что уже через несколько минут я захожу в ярко-розовую детскую Эбби. Она усаживает меня на кровать, а сама пристраивается рядом.

Проходит всего несколько секунд, и в дверь просачиваются ее братья, Итан и Айзек, и заползают на кровать.

Эти дети ничего обо мне не знают, но все равно жмутся ко мне и искренне обнимают. Как это ни странно, но я внезапно осознаю, что мы с ними и правда *похожи*.

Эбби не успевает дочитать мне сказку – на последних страницах ее накрывает сон. Мальчишки уснули еще раньше. Я очутилась в западне из ручек и ножек.

Пока я думаю, как мне выбраться, в комнату заглядывает Вард. Разглядывает клубочек, в который я угодила, и в его взгляде появляется теплое выражение, от которого у меня опять перехватывает дыхание.

– Тебе, кажется, нужна помощь, – шепчет он и улыбается краешком рта.

Он осторожно пробирается по полу, заваленному игрушками, добирается до кровати и осторожно перекладывает сначала Айзека, затем Итана. Когда он забирает у меня Эбби, то случайно дотрагивается и до меня. Мой желудок делает сальто. Эбби всхлипывает во сне и тут же успокаивается.

После того как он меня освободил, я наконец могу выбраться из кровати. Поднимаюсь на ноги и оглядываюсь на спящих детей. Мне кажется, что их ручки до сих пор обнимают меня. Глаза наполняются слезами.

– Уже поздно, Динь, – шепотом говорит Вард. – Нам пора. Я быстро вытираю глаза и отворачиваюсь в надежде, что он ничего не заметил. Когда Вард берет меня за руку и ободряюще сжимает мои пальцы, я понимаю, что он все видел. Руку я не отнимаю, хотя следовало бы. Вместо этого я поз-

воляю ему увести себя из детской. Наши пальцы переплетаются.

– Давай вернемся в твою комнату, – говорит он.

Интересно, что он решил назвать мою камеру комнатой. Но затем я понимаю, что мы идем совсем не в камеру, он снова ведет меня к себе. Мои ноги наливаются свинцом, и я врастаю в землю. Он останавливается, оборачивается и уже открывает было рот, чтобы что-то сказать, но тут же закрывает и молча смотрит на меня. Осознание вспыхивает в его глазах, как молния, и он тут же опускает глаза.

– Это не то, о чем ты подумала.

Не могу понять: он смеется или смущен?

– Мы не станем возвращаться ко мне. Не волнуйся.

Я сжимаю губы. Все-таки смеется.

– Доверься мне.

Это я уже слышала. Но, как и в прошлый раз, не могу. И не буду. И все-таки послушно иду за ним туда, куда он хочет. У меня и выбора в общем-то нет. Мы проходим по очередному незнакомому коридору и останавливаемся у какой-то двери. Перед тем как выпустить мою ладонь, Вард коротко сжимает ее, а затем прикладывает к биосенсору, вмонтированному в стену. Дверь отъезжает в сторону. Он касается моей спины и легонько подталкивает вперед.

– Добро пожаловать в твой новый дом, Динь!

Семь слов. Семь слов, и я смотрю на него во все глаза.

Должно быть, я просто ослышалась.

– Тебя только за смертью посылать!

Я резко оборачиваюсь – по коротенькому коридору проносится Ками и подбегает прямо к нам. На ней пижамные штаны на шнурке и майка, лицо – гладкое и блестящее, без капли макияжа.

Я не могу скрыть замешательство и теряюсь еще сильнее, когда она начинает радостно скакать вокруг:

– Ох, мы с тобой так повеселимся! Я всегда хотела, чтобы у меня была соседка.

Меня бросает в жар.

Быть того не может.

Я, наверное, сплю, заснула прямо там, в детской, с Эбби и мальчиками. Это же не может быть правдой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.